

Министерство культуры Ставропольского края
Государственное бюджетное
учреждение культуры
Ставропольского края
«ПЯТИГОРСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»

С.Н.САВЕНКО

ВОССОЗДАНИЕ МУЗЕЯ ДРЕВНОСТЕЙ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ В ПЯТИГОРСКЕ:

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ К ПРОЕКТУ

С.Н.САВЕНКО

**ВОССОЗДАНИЕ МУЗЕЯ ДРЕВНОСТЕЙ
ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ В ПЯТИГОРСКЕ:**
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ К ПРОЕКТУ

Брошюра посвящена представлению в обобщенном виде собранных материалов по истории создания и развития первого на Северном Кавказе музея древностей под открытым небом в Пятигорске, действовавшего в течение более 30 лет (1850-1881), и проектов его восстановления

Ставрополь - 2013

Министерство культуры Ставропольского края
Государственное бюджетное учреждение культуры
Ставропольского края
«Пятигорский краеведческий музей»

С.Н.САВЕНКО

**ВОССОЗДАНИЕ МУЗЕЯ ДРЕВНОСТЕЙ
ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ
В ПЯТИГОРСКЕ:
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
К ПРОЕКТУ**

Ставрополь — 2013

УДК 069 (470.630)
ББК 79.14(2Рос-4Ста)688
С 12

Научный редактор:
С.Л. Дударев, доктор исторических наук, профессор

Савенко С.Н.
С 12 Воссоздание музея древностей под открытым небом в Пятигорске:
научно-методические материалы к проекту / С.Н. Савенко. –
Ставрополь: Ставролит, 2013 – 64 с., ил.
ISBN 978-5-904436-88-9

Брошюра посвящена представлению в обобщенном виде собранных материалов по истории создания и развития первого на Северном Кавказе музея древностей под открытым небом в Пятигорске, действовавшего в течение более 30 лет (1850-1881) и пользовавшегося значительным вниманием, научным интересом и популярностью среди жителей и гостей курорта, а также показу предварительных авторских концептуальных идей и практических предложений восстановления этого музейного комплекса в новых условиях как актуального социально-культурного проекта местного, краевого и общесеверокавказского уровня

ISBN 978-5-904436-88-9

© С.Н. Савенко, 2013
© ГБУК СК «Пятигорский
краеведческий музей», 2013
© Ставролит, 2013

Содержание

Введение	4
Из истории создания археологических музеев под открытым небом на Ставрополье и Кавминводах	5
Историческая справка о Пятигорском музее древностей под открытым небом	10
Данные об экспонатах Пятигорского музея древностей	27
Основы концепции и экспозиционного построения	49
Заключение	57
Список использованной литературы и источников	58
Список сокращений	63

ВВЕДЕНИЕ

Город-курорт Пятигорск, являющийся также региональным административным, торгово-промышленным, образовательным и культурным центром Ставропольского края и Кавказских Минеральных Вод, а с 2010 года и центром Северо-Кавказского Федерального округа, обладает многими особыми качествами, богатым и разнообразным природным и культурным наследием. В ряду этого наследия важное место занимают археологические объекты, связанные с многовековой древней и средневековой историей различных племен и народов, проживавших и проживающих в настоящее время на этой уникальной в природно-культурном отношении земле. Одно из ее постоянных свойств – служить узлом пересечения сложных и разноплановых социально-культурных связей и контактов, являться местом сохранения позитивных культурных традиций - было осознано представителями науки и российской администрации на Кавказе и в регионе уже в середине XIX столетия, когда был создан первый на Северном Кавказе музей древностей под открытым небом в Николаевском цветнике перед Елизаветинской (Академической) галереей. Составленный из особо ценных в историко-культурном отношении крупных каменных памятников из различных районов региона, он ставил целью их демонстрации для его жителей и многочисленных гостей курорта из России и зарубежных стран, а также сохранения от возможного повреждения и уничтожения на местах их исторического расположения. Музей древностей существовал в Пятигорске как полноценный комплекс в течение более 30 лет (1850-1881). После отправки в Москву наиболее ценных его экспонатов другие памятники продолжали находиться в Лермонтовском гроте и у прогулочных дорожек Цветника вплоть до начала советской эпохи. Затем часть из них была утрачена, а некоторые сохранены в фондах Пятигорского краеведческого музея.

Идея восстановления Пятигорского музея древностей под открытым небом, высказывалась неоднократно. Особенно активно ей занимались сотрудники Пятигорского краеведческого музея и краеведы в конце 1960-х – начале 1970-х годов при директоре М.К. Павлове. В это время появились первые эскизные проектные предложения и сделаны некоторые практические шаги. Второй всплеск интереса к музею и его восстановлению проявился в середине 1990-х годов и продолжился до празднования 100-летия ПКМ в 2005 г. и 2008 года. В это время вышла из печати серия краеведческих публикаций о Музее древностей и наиболее ценных его экспонатах Л.И. Краснокутской, А.Н. Коваленко, В.А. Фоменко, В.А. Кузнецова, Е.Л. Сосниной, С.В. Боглачева и ряда других (Краснокутская, Коваленко, 1995: Их же..., 1998.С.6-8; Кузнецов, 1999.С.83-99; Краснокутская, 2003.С.136-138; Коваленко, Фоменко, 1997.С.98-100; Боглачев, 2005.С.233-234; Его же, 2007. С.373-374; Его же, 2012. С. 373-374; Багдасарян,

Краснокутская, 2007.С.16-19,49-50; Соснина, 2000.С.72-73 и др.). Изданные наработки этих авторов, как и большое количество публикаций дореволюционного периода, используются в данной работе, и я искренне благодарен всем причастным к данной теме небезразличным людям за их важный труд и содействие продвижению идеи восстановления данного музея.

С 2010 года развивается третий период стремления к воссозданию Пятигорского музея древностей под открытым небом (Савенко, 2010. С.54-59). За это время были выдвинуты новые инициативы, составлен предварительный эскизный проект восстановительных действий, выведенный на уровень Главы, Думы Пятигорска, министерства культуры и Правительства Ставропольского края. На высшем уровне местного руководства идеи и предложения были поддержаны. Восстановление данного музейного комплекса представляется особо актуальной сейчас, когда город выполняет важную и ответственную миссию столицы Северо-Кавказского Федерального округа со значительным миротворческим и социально-культурным потенциалом. Сохранение и многостороннее разумное использование объектов культурного наследия населения региона послужит укреплению и повышению значимости и авторитета Пятигорска среди особых городов Кавказа, нашей страны и на всем мировом пространстве.

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ НА СТАВРОПОЛЬЕ И КАВМИНВОДАХ

История отечественного музейного дела, особенно на юге страны, связана с формированием археологических коллекций и исследованием древних объектов. Наличие руинированных остатков античных памятников, нередко просматривавшихся на поверхности и содержащих выразительные архитектурные элементы; масштабные древние курганы, со сложными погребальными сооружениями; стоявшие еще на первоначальных местах степные каменные изваяния («бабы», «болваны», «мамаи» и т.п.); порождали желание не только исследовать, но сохранять их. С этим было связано, распространившиеся в конце XVIII - первой половине XIX в., стремление создания своеобразных экспозиций на местах самих памятников, либо представление перенесенных объектов и их фрагментов на общественных местах населенных пунктов или в частных имениях. Эта своеобразная мода была распространена и в центральных районах Северного Кавказа – на Ставрополье и Кавминводах. Если в работах исследователей региона конца XVIII – начала XIX в. содержались только описания археологических памятников в их естественной среде, то уже в 1830-е годы появились указания об опытах установки античных архитектурных деталей и

изваяний на усадьбах, парках, скверах, площадях, перед общественными зданиями: античная колонна из Закубанья в имении начальника Кавказской области генерала Г.А. Емануеля, каменная баба и другие объекты в роще г. Ставрополя и некоторое другое (Беликов, Савенко, 2007. С.267).

Рис.1. Генерал-лейтенант Г.А. Емануель – начальник Кавказской области (1826-1831), любитель древностей

Примечательно, что эти экспонаты сохранялись в Ставрополе и в середине XIX в., когда там побывал с научными целями исследователь древних рукописей, надписей и археологических объектов Крыма и Северного Кавказа караимский духовный лидер А.С. Фиркович. Он, в частности, видел и описал мраморную колонну с греческой надписью (Вихнович, 1997.С.112-113).

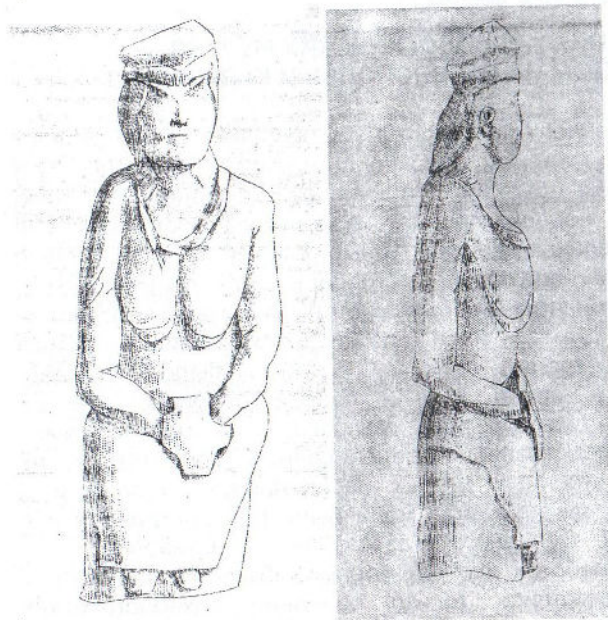

Рис. 2. Каменная баба, стоявшая в г. Ставрополе близ лавок у гостиного двора во второй половине XIX в.. Альбом Д.М. Струкова. Архив ИИМК. Р-1. Ед.хр.273.Л.49.

В этих фактах прослеживаются предпосылки создания одной из разновидностей археологических музеев под открытым небом с переносом памятников с их исторических мест расположения на специальные экспозиционные площадки. Отечественный теоретик и практик создания археологических музеев открытого типа Н.М. Булатов возражал против отнесения подобной разновидности к числу музейных объектов, особенно когда переносилась лишь части комплексов (Булатов, 1975. С.77-78). Однако мне представляется, что эта линия развития сохранения и музеефикации должна учитываться, несмотря на то, что идеальные ситуации переноса полных комплексов на музейные площадки являлись и являются редкими исключениями. При этом, к достояниям музейных собраний нередко относятся ценные в историко-культурном отношении, детали образцов и компоненты комплексов археологического наследия.

К ранним археологическим музеям подобного типа собственно и относится «Пятигорский музей древностей», созданный в 1850 г. по инициативе уже упомянутого нами А.С. Фирковича, при поддержке кавказского наместника М.С. Воронцова и местного начальства региона. Примечательно, что «несколько черкесских и татарских каменных монументов, привезенных сюда с Кубани» видел в районе будущего Пятигорска еще в 1793 г. академик П.С. Паллас (Паллас, 1992.С.12). Этот малоизвестный факт не имеет прямого отношения к истории музейного дела, но представляет существенный интерес.

Рис. 3. Князь М.С. Воронцов – наместник Кавказский (1844-1854), любитель древностей, содействовал созданию ряда музеев в Крыму и на Кавказе

В течение 1849-1851 гг. в Пятигорский курортный Цветник ко вновь построенной в античном стиле Елизаветинской галерее было свезено более десятка уникальных масштабных древних каменных объектов:

изваяния, кресты и плиты с надписями и изображениями людей и животных. Экспонаты были установлены в Цветнике и в благоустроенном естественном «Гроуте Лермонтова» возле нее. В распоряжениях по поводу проведения данных мероприятий были сформулированы их цели: «...дабы собранием оных (памятников – С.С.) в одном месте составить род открытого музеума». Древние монументы таким путем предполагалось сохранить и создать условия, чтобы они послужили для ученых посетителей города. Обе цели были достигнуты. До начала 1880-х годов его посещали путешественники и ученые. Музей с вниманием осматривали многие посетители курорта и проявляли живой интерес к собранным памятникам. Он служил одним из важных показательных объектов и во время торжественных приемов на Кавминводах высшего кавказского руководства и представителей общероссийских правящих структур. Когда музей был свернут в конце 1881 года, часть экспонатов продолжала находиться в различных частях Цветника вдоль прогулочных дорожек, в Гроуте Лермонтова, у Николаевского вокзала, в районе Грота Дианы. И даже в советское время каменные бабы периодически располагались у входов в музейные учреждения и в скверах.

Помимо Пятигорска попытки создания археологических музеев или экспозиций под открытым небом предпринимались и в других местах. Еще в 1849 г. тот же А.С. Фиркович организовал перевозку каменных баб, выставленных до этого в общественном саду курорта Ессентуки (Фиркович, 1859. С.377). Каменные изваяния с середины XIX в. располагались у здания городской думы, у Торговых рядов и у других общественных объектов в г. Ставрополе. Со времени основания Музея Северного Кавказа его создатель Г.Н. Прозрителев стал формировать коллекцию изваяний скифского времени и эпохи средневековья, которая экспонировалась в открытом виде возле его дома на ставропольской Крепостной горе и у первого здания музея (Беликов, Савенко, 2007. С.287-270, 274-278). Затем, уже в 1960-1970-е гг. выставка подобных предметов была создана во дворе нынешнего Ставропольского государственного музея-заповедника им Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе.

С 1964 г. в Кисловодске у историко-краеведческого музея «Крепость» существует несколько раз обновлявшаяся экспозиция «лапидария» из крупных археологических и этнографических каменных экспонатов. Последний ее вариант составлен и оформлен в 2004 г. и продолжает пополняться (Савенко, Лачинов, 2005. С.114-121).

В ходе исследования знаменитых Краснознаменских курганов в районе с. Александровского возникла идея музеефикации кургана с каменным святилищем и Александровский районный музей даже получил название археологического (Достояние... С.26-27). Однако позже проект не был реализован и масштабный подкурганый комплекс вновь засыпан.

С начала 1970-х гг. велись стационарные раскопки Грушевого городища на юго-западной окраине г. Ставрополя, на базе которого также предполагалось создание археологического музея под открытым небом.

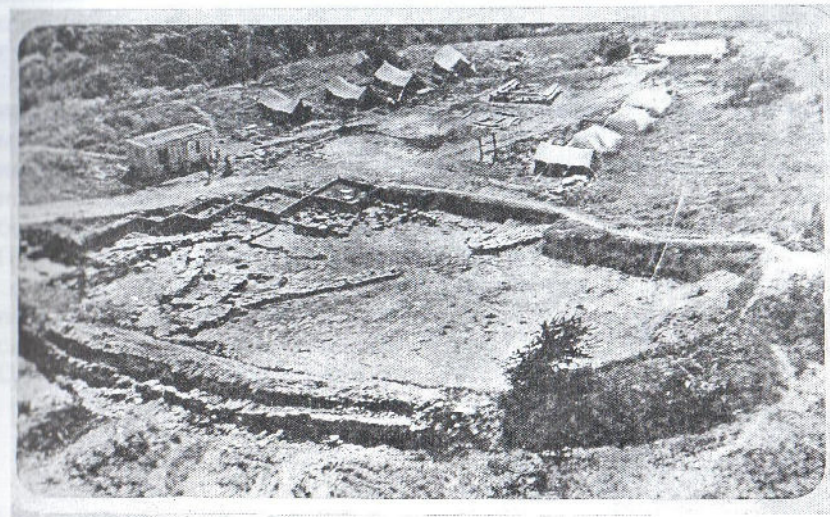

Рис.4. Грушевское городище на юго-западной окраине г. Ставрополя. Фото 1978 г.

С 1992 г. ведется создание археологического музея на базе комплекса «Горное Эхо» под Кисловодском (Аржанцева и др., 2003). В период с 1997 по 2011 гг. на городище выполнен большой объем научных исследований, осуществлялись работы по консервации выявленных строительных остатков. Периодически на городище проводятся экскурсии. Кисловодский историко-краеведческий музей в течение продолжительного времени составляет заявки на включение работ по организации музея в различные программы финансирования и пытается поддержку по этому поводу у местных властей. Но постоянно действующая музейная структура и здесь пока не создана.

Единственным позитивным исключением является археологический и природный музей-заповедник «Татарское городище» в системе Ставропольского музея-заповедника (Годзевич Б.Л. и др., 1999). Пока он функционирует в ограниченном режиме (нет развитой музейной инфраструктуры на городище или возле него и др.).

Таким образом, многие проекты археологических музеев под открытым небом на Ставрополье и Кавминводах – территориях исключительно насыщенных яркими разновременными памятниками древности и средневековья, неоправданно остались

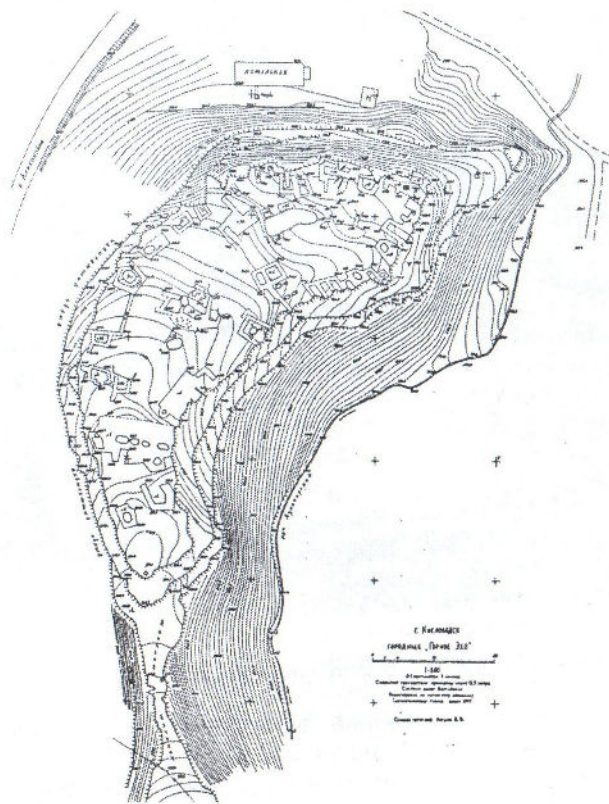

Рис. 5. Городище Горное эхо под Кисловодском. Топографический план 1997 г.

неосуществленными. Задача музеефикации археологических памятников и объектов центральной части Северного Кавказа продолжает являться актуальной.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА О МУЗЕЕ ДРЕВНОСТЕЙ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ В ПЯТИГОРСКЕ

Город-курорт Пятигорск, ставший в 2010 г. центром Северо-Кавказского федерального округа, уверенно идет к 235-летию своей истории и 185-летию обладания статусом окружного города (2015). Эти значимые даты будут отмечаться в 2015 году. За указанный почтенный для южнороссийских городов возраст он, возникший на древней земле Пятигорья, известной в письменных источниках, по крайней мере, с

х годов XIV века, накопил большое и многообразное культурное наследие, связанное с этапами развития, знаковыми событиями регионального, общероссийского и международного уровня. Пятигорск обоснованно считается историческим городом России. Известно, что важным качеством исторического поселения является не только обладание культурными ценностями, но и осознанное желание и способность жителей сохранять и беречь их.

В городе существует и развивается ряд музейных учреждений, два из которых с более чем вековой историей: Пятигорский краеведческий музей (1903 г.) и государственный музей – заповедник им. М.Ю.Лермонтова (1912 г.). Но традиции сохранения и позитивного использования историко-культурного наследия в Пятигорске имеют более продолжительную историю. Одним из первых музеев здесь был Пятигорский «музеум» древностей под открытым небом.

Идея создания такой открытой выставки крупных каменных памятников, собранных из различных районов Северного Кавказа, связывается с путешественником и любителем древностей – членом Одесского общества истории и древностей А.С. Фирковичем.

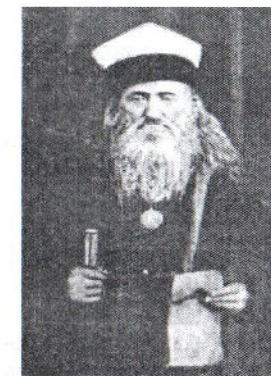

Рис. 6. Фиркович Авраам Самуилович (1786-1874). Караимский любитель древностей и исследователь древних рукописей из Крыма. Посещал и обследовал Северный Кавказ в 1849-1850 гг. Инициатор создания Музея древностей под открытым небом в Пятигорске.

В 1849 г. князь М.С. Воронцов пригласил А.С. Фирковича совершить поездку по Кавказу с целью изучения истории религии, снабдив его документами и денежным содержанием. С 8 мая этого года в сопровождении студента Санкт-Петербургского университета, знатока античной истории и древних языков Александра Тарханова, он объехал много мест региона (Вихнович, 1997. С.112; ОР РНБ. Ф.946). Важно, что он осознал, что древности на Северном Кавказе в условиях еще продолжавшейся Кавказской войны так же как, и люди, страдают и могут быть навсегда потеряны. Им постоянно угрожало невежество и варварство. В этом с Фирковичем был полностью единодушен кавказский наместник, много сделавший для сохранения древностей Северного Причерноморья и Кавказа (Тункина, 2002. С.104-226).

Люди, небезразличные к истории и культуре, уже давно проживали, служили и работали на Кавминводах. Поэтому проекты сохранения и общественного показа диковинных образцов природы и установки памятников истории периодически возникали во время ведения благоустроительных работ на хорошо уже известном в России и за рубежом Пятигорском курорте. Подобная деятельность была связана, прежде всего, с созданием, развитием и приведением в должный порядок садов, скверов и цветников на юго-западных отрогах горы Машук. Со второй половины 1840-х гг. этим делом руководил архитектор английского происхождения Самуил Уптон. Привлеченный сюда М.С. Воронцовым из Крыма, С.И. Уптон также тяготел к памятникам древности и старым архитектурным стилям. В этом он продолжал традицию своих предшественников – пятигорских архитекторов братьев Бернардацци. Один из них, Иосиф, посещал, зарисовывал и исследовал памятники археологии региона. Таким образом, в конце 1840-х годов мысль о создании музея под открытым небом в Пятигорске нашла здесь вполне подготовленную почву.

Как архитектор и строитель С.И. Уптон стал также признанным мастером курортных каменных галерей. Одну из них он начал возводить в 1847 г. (т.е. накануне северокавказской экспедиции А.С. Фирковича) у Елизаветинского серно-кислого источника на склоне Машука, вблизи Эоловой арфы и Грота Лермонтова. Изящная галерея, ограничившая сверху парк-цветник, строилась в соответствии с канонами классического возрождения и предполагала структурное развитие прилегающего паркового ландшафта. Проект был реализован не в полном объеме, но галерея приобрела ключевое значение среди построек курорта (Боглачев, 2012. С.80-85). Она получила название Елизаветинской, не только потому, что минеральный источник возле нее был назван известным московским врачом Ф. Гаазом в честь супруги Александра I Елизаветы Александровны, а затем и цветник стал, именоваться также. Галерея была отождествлена и с женой М.С. Воронцова Елизаветой Ксаверьевной.

На пути к галерее и стали размещаться с 1849 г. древние памятники, украсившие цветник и создавшие в нем особый историко-культурный колорит. Елизаветинский цветник стал местом, где на продолжительное время каменные монументы обрели вторую «музейную» жизнь.

Музей создавался при активном участии недавно созданной дирекции Кавминвод, возглавляемой тогда генерал-майором Д.А. Всеволожским (Несмачная, 2002. С.205). Так, в середине 1849 г. на средства Дирекции была организована доставка «Дука-Бека» от Этокского поста в районе станицы Зольской. Сначала он был поставлен один на главном курортном бульваре, против ступенек лестницы, ведущей к галерее, а затем перенесен на главную клумбу цветника, куда доставлялись и другие экспонаты.

Рис. 7. Директор Кавминвод Д.А. Всеволожский.

Музейный комплекс начал образовываться тогда, когда к первому экспонату присоединились другие памятники. Это произошло в 1850 г. Рядом с Этокским изваянием занял свое место крупный четырехконечный каменный крест с греческой надписью. Он был встречен А. Фирковичем весной того же года в станице Кисловодской на земле есаула Обухова, который нашел его в 1846 г. в районе хорошо известного специалистам средневекового бытового комплекса городского типа – Рим-Гора (в окрестностях Кисловодска). Этот крест, доставленный в Пятигорск 26 августа 1850 г., помещен был по левую сторону бульвара, ближе к лестнице, ведущей к галерее.

Осенью 1850 г. на центральную клумбу Елизаветинского цветника были перевезены и установлены в левой ее части одно полное и одно фрагментарное средневековые изваяния из станицы Ессентукской.

В документации Дирекции КМВ содержались сведения еще о четырех камнях с арабскими надписями, найденными А. Фирковичем. Для лучшей их сохранности предполагалось вмзать их в стены галереи, включив ее, таким образом, в музейный комплекс. Но уже спустя 15-20 лет после этого желающие не могли обнаружить указанные плиты на стенах галереи в связи с тем, что они были неоднократно оштукатурены.

Еще ряд экспонатов рассматриваемого музея оказался в Пятигорске чуть позже – в конце 1851 г. Среди них выделяется знаменитый крупный Эльхотовский крест с надписью, украшенный сюжетными изображениями и дополнительными крестами. Крест, также обнаруженный Фирковичем за р.Терек у Татартупского минарета, сначала был отправлен во Владикавказ. И уже оттуда 7 декабря 1851 г. перевезен в Пятигорск. В деловых бумагах отмечалось, что в Пятигорске он «...может быть сбережен и вместе с тем послужит удовольствием для ученых посетителей города». Памятник был установлен непосредственно у бульвара недалеко от лестницы Елизаветинской галереи.

Вместе с крестом из района Эльхотовского аула в Пятигорск по распоряжению бывшего начальника Центра Кавказской линии, князя Г.Р. Эрштова были направлены еще два древних предмета. Точное их местонахождение и авторы находок не были установлены.

Рис. 8. Командующий Центром Кавказской линии генерал-майор Г.Р. Эрстов.

Частью собрания «музеума» стал тогда так называемый «каменный порог» или «жертвенный камень» из двух частей с изображениями пар животных, направленных друг к другу, на продольных сторонах, и голов барана и быка (?) – на коротких. Этот памятник вскоре был установлен в Елизаветинском гроте (Грот Лермонтова). Грот после этого стал составным элементом музейного комплекса с тем отличием, что предметы, находящиеся в нем, были защищены от прямого воздействия влаги, ветра и солнечных лучей. Здесь же были также размещены фрагменты архитектурного оформления наддверного пространства с растительно-геометрическим орнаментом и арабскими надписями. Таким образом, в музейный комплекс под открытым небом вошло от 7 до 11 крупногабаритных каменных предметов и фрагментов.

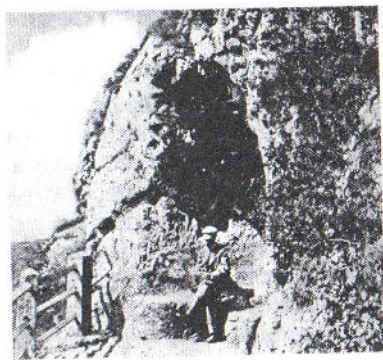
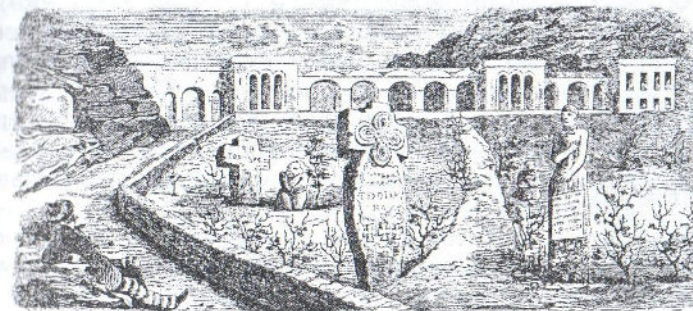

Рис. 9. Грот Лермонтова. Фото 1878 г. ПКМ. 5703 Оф.

Фактически сразу после размещения памятников в Елизаветинском цветнике вблизи галереи они стали привлекать пристальное внимание посетителей, особенно путешественников и ученых. Начиная с 1850 г., об экспонатах музея писали в дневниках, отчетах о поездках, деловой переписке, в газетных и журнальных публикациях и т.д. Сохранился редкий оригинальный рисунок одного из посетителей Пятигорска Ф. Туркестанова, выполненный в 1852 г.

21) У подножия источника прекраснейший сад и памятники гроб, которыми этот источник дарован...
...вечно живыми...

Рис.10. Музей древностей в Пятигорске. Рисунок Ф. Туркестанова. 1852 г.

На нем явно присутствует пять памятников. На первом плане у левого угла аллеи показан Эльхотовский крест. Чуть в отдалении справа – «Дука-Бек». Крест с Рим-Горы размещался на левой половине клумбы в отдалении. Рядом с ним – полное малое изваяние из Ессентуков. А вторая, частично сохранившаяся «каменная» баба стояла вдали справа.

Имеются косвенные данные об еще одном изваянии, найденном А.Фирковичем в окрестностях Пятигорска и поставленном им в музей. Это полная половецкая стоящая женская статуя в длинной одежде, головном уборе, с тремя ожерельями и сосудом в руках. Судьба ее сложна. Сведения о «каменной бабе» содержатся в переписке двух крупных краеведов региона конца XIX – первой трети XX в.: Г.Н. Прозрителева – основателя и директора Музея Северного Кавказа в Ставрополе, и Д.М. Павлова – профессора, работника сферы охраны памятников и музейного дела Кавминвод. Из нее следует, что во время подготовки к одной из встреч важной персоны из семьи Романовых в 1850-е годы статую перевезли в Ставрополь, где она находилась потом у здания городской думы. Когда же в 1865 г. готовилось открытие Кавказского музея в Тифлисе, изваяние «переехало» через хребет.

Рис. 11. Фото женского половецкого изваяния, отправленного в Кавказский музей в г. Тифлис. Снимок прислан в начале 1926 г. Курортному музею г. Пятигорска. ПКМ. Научная библиотека. Архив Н.М. Егорова. Папка 15. С.116-117.

Женская статуя на рисунке Ф. Туркестанова не показана. Следовательно, статуя либо уже была отправлена в Ставрополь ко времени посещения музея Туркестановым, либо еще не выставлялась. В первом случае ее могли перевезти в губернский центр еще в сентябре 1850 года, когда к приезду наследника престола Александра Николаевича - будущего императора Александра II создавалась выставка.

В 1856 г. Пятигорский музейный объект посещал и авторитетный исследователь Кавминвод Ф.А. Баталин, написавший по итогам своей экспедиции двухтомный труд «Пятигорский край и Кавказские Минеральные воды» (1861). Им приводится перечень экспонатов Елизаветинского цветника с краткими описаниями их, сведениями о происхождении и времени доставки в Пятигорск. Баталин говорит о десяти памятниках: Дука-Бек, Эльхотовский и Рим-Горский кресты, четыре камня с арабскими надписями из ст. Боргустанской и, в том числе, три «человеческих истукана» из ст. Эссентукской, привезенные в 1850 году (Баталин, 1861.С.35). Может быть, третий истукан и есть женская статуя? Если это так, изваяние, вместе с другими экспонатами Бальнеологического консерваториума, могло проследовать в Ставрополь в 1856 г., когда в столице губернии официально был открыт музей в городской думе.

К труду Ф.А. Баталина прилагались качественные цветные топографические планы курортов Кавминвод. На плане Пятигорска показаны Елизаветинская галерея и цветник, но музей древностей специально не обозначен.

Уже в первых выпусках, основанной в 1863 году по инициативе директора Кавминвод при контрагенте Н.А. Новосельском Семена Алексеевича Смирнова, первой в России курортной газете «Листок для посетителей Кавказских Минеральных Вод» содержались материалы о древних памятниках. На страницах газеты сообщалось о том, что редакция «...получила выраженное желание иметь несколько подробнейшие сведения о значении и достоинствах древних памятников». Сами члены редакции проявляли к ним интерес и «...обращались с просьбой к находящемуся в настоящее время у нас на Водах и известному своими археологическими занятиями генералу И.А. Бартоломею». Они получили согласие генерала, но не

ограничились этим и указали, что «Сверх того будем искренне признательны за всякое сообщение относительно этого предмета со стороны Пятигорских старожиллов и каждого обладающего какими — либо сведениями по отношению к данному интересному предмету» (Листок...1863. №7, С.40). Однако, более подробные данные о пятигорских древностях были опубликованы в данной газете значительно позже в начале 1870-х годов.

Достаточно подробно с экспонатами музея ознакомились члены Русского Археологического общества братья Нарышкины, или, точнее, Н.А. Нарышкин, проследовавший через Пятигорск в горы Кавказа и Сванетию в 1867 г. Кроме отчета, в Императорское Русское Археологическое общество поступили и рисунки, хранившиеся затем в библиотеке ИРАО. Были среди них и изображения памятников Пятигорского музея. Об этом было известно из опубликованного в 1911 г. отчета экспедиции еще одного известного археолога первой половины XX века — Н.Е. Макаренко, который был в Пятигорске ровно через 40 лет после Нарышкиных в 1907 году. Но в альбоме, присланном исследователями, был рисунок с подписью «найденный в 60 верстах от Пятигорска на кургане близ Боргустанской станицы». Рисунки Нарышкиных долго не использовались кавказоведами советского и настоящего времени. Их мне довелось увидеть только в 2010 году среди листов разрозненных альбомов Д.М. Струкова, хранящихся в архиве Института истории материальной культуры в Санкт-Петербурге.

Московский художник-реставратор и археолог, член Московского Археологического общества Д.М. Струков несколько раз бывал на Кавказе и занимался преимущественно обследованием Зеленчукских храмов X-XI вв., но не только. В 1891 г. он был на Рим-Горе и в Пятигорске. Теоретически он мог осмотреть «музеум», но он к этому времени уже не должен был существовать, по крайней мере, в полном объеме. Поэтому часть рисунков, а может быть и всю серию, можно соотнести с экспедицией Н.А. Нарышкина, тем более, что среди них есть то изображение, о котором писал Н.Е. Макаренко. Он же отмечал, что в альбоме Струкова имеются изображения каменных баб, находившихся ранее в Пятигорске.

Нам удалось найти следующее изображения памятников с подписями «в Елизаветинском саду», выполненными одной рукой: Рим-Горский крест с надписью, показанный стоящим в земле (архив ИАК, № 273, 21); прорисовка надписи на «Дука-Беке» с указанием, что с памятника снят «фотографический рисунок» и что рисунок и описание напечатаны в Т. III «Записок Археологического общества» о заседаниях 1850 г. (№273, 26); две каменные бабы из Эссентукской станицы (№273, 22). Кроме жертвенного камня в гроте Лермонтова (№273, 24) находились и были изображены две плиты от оформления двери с орнаментом и арабскими надписями, «...находившиеся прежде в селе Покойном в доме поселянина Звездова» (№273, 23). Известие о

том, что жертвенный камень происходит из района Рим-Горы, почему-то не приводятся в достаточно подробной информации публикаций 1870-х годов о памятниках «музеума», приведенных, например, в путеводителе по Кавказским Минеральным Водам доктора М. Милютина 1879 года.

В начале 1870-х годов интерес к памятникам, располагавшимся в Пятигорске, оживился как в России, так и за рубежом. О них писали «Санкт-Петербургские ведомости» (1872. №151), журнал, издававшийся в Лондоне и другие информационные издания. обстоятельной публикацией в нескольких номерах за 1872 год отреагировал на ситуацию «Листок для посетителей Кавказских Минеральных Вод». Автор фамилию полностью не указал, подписавшись с сокращением «Б...ский». Пятигорский краевед А.Н. Коваленко полагает, что это был писатель Благовещенский, почти ежегодно приезжавший на курорты. В статье подчеркнут «...главный интерес памятников...», которые «...дают некоторое понятие о костюмах, нравах и обычаях исчезнувших поколений, когда-то населявших эту местность» и «отчасти определяют время и характер той эпохи, к которой относятся» (Листок...1872. №9).

В течение 1860-х–1870-х годов Елизаветинский цветник периодически менял свою планировку и был превращен в парк английского типа с густой растительностью и причудливо переплетающимися извилистыми дорожками. Поэтому на рисунках Нарышкиных он называется садом. На поляне среди деревьев запечатлен «Дука-Бек» на ранних фотографиях 1870-х годов. На рубеже 1870-х–1880-х гг. предметы «музеума» были сосредоточены на округлой поляне парка, располагавшейся в правой его части, и были окружены декоративной двенадцатигранной деревянно-металлической оградой. В таком виде музей под открытым небом просуществовал до его демонтажа

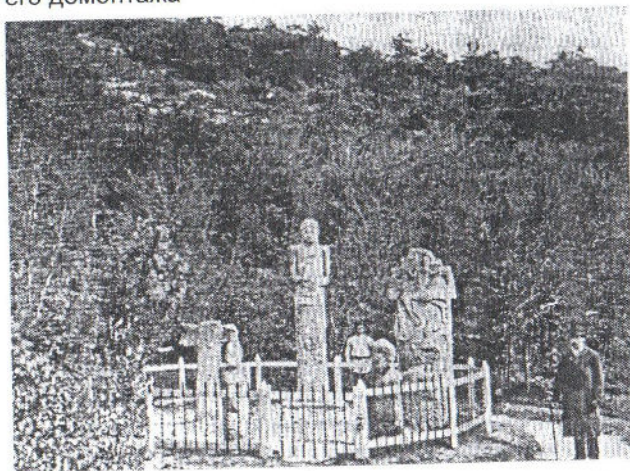

Рис. 12. Пятигорский музей древностей под открытым небом. 1881 г. Фото А.К.Энгеля.

Можно предполагать, что в процессе функционирования музея, предпринимались попытки пополнить его экспонатами. Так, во время посещения Пятигорья в 1858 г. исследователь французского происхождения Ф. Жилль, находящийся на службе при дворе императора и в Эрмитаже, изображал каменные статуи «христианских воинов» верхнекубанского типа, указывая, что они найдены в окрестностях Кавминвод. Возможно, они также были привезены для музея из района Кяфара.

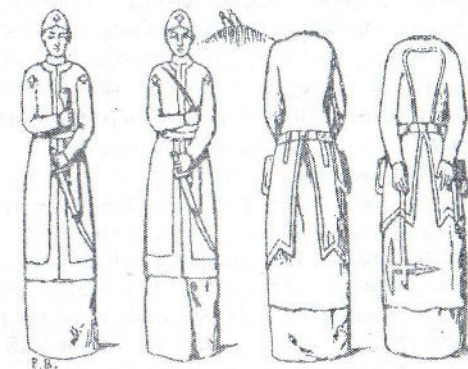

Рис. 13. Христианские статуи в окрестностях Кавминвод. Рисунок Ф. Жилля. 1858 г. (из Е.Л. Сосниной, 2000.С.73).

В статье Н. Дубровского, опубликованной в «Вестнике Общества древнерусского искусства» 1875 года (№ 6-10) описывался «Пятигорский крест», доставленный из селения Каракент на Кубани. Другие источники пока не подтверждают подобных фактов, но на поздних фотографиях музея явно присутствуют изваяния, имеющие отличия от ранее описываемых.

Важно указать, что сведения о памятниках музея были изданы отдельной брошюрой, которая продавалась в 1881 году в конторах групп Кавказских Минеральных Вод за 10 копеек, как и отдельный выпуск «Листка для посетителей...» (Листок...1881. №15 – реклама).

Свертывание музея связывают с именем председателя Московского Археологического общества графа А.С. Уварова. На него императором Александром III «Всемиловнейше возложено» устройство Императорского Российского исторического музея и пополнение коллекций этого музея памятниками древности. Он был здесь в 1881 году накануне V Археологического съезда в Тифлисе вместе с супругой П.С. Уваровой. Тогда он участвовал в работах по раскопкам курганов в окрестностях Кисловодска и Пятигорске профессора Д.Я. Самоквасова, и, конечно, не оставил без внимания Пятигорский «музеум». Помещенные в нем памятники он посчитал ценными, и выступил с инициативой их переправки в Москву в готовящийся к официальному открытию Императорский Исторический музей.

А.С. Уваров еще 2 августа обратился по данному вопросу с письмом к начальнику Терской области генерал-адъютанту А.П. Свистуну, в котором отметил заслуги Фирковича и особенно князя М.С. Воронцова «... за оказанное им покровительство древним памятникам, которые, оставшись на местах наверное погибли бы бесследно» (Листок ...1881. №20. С. 404). Одновременно он подчеркивал, что памятники выставлены на довольно бойком месте и подвергались всем неблагоприятным влияниям атмосферных изменений ежегодно более и более повреждались, что необходимо было их спасать. Памятники эти оценивались как «имеющие большое значение для истории России» и поэтому их следовало бы экспонировать в центральном Императорском Российском историческом музее. Граф просил содействия у руководства области в перемещении памятников в Москву.

Практические действия по обеспечению перевозки экспонатов были поручены члену Императорского Археологического общества господину Кельсиеву. Он приехал в Пятигорск 24 сентября но аномальные погодные условия (резкое похолодание и сильный ветер) не позволили ему сразу выполнить задачу. Он вынужден был отбыть из города 25.09, оставив контрагентству записку с перечнем экспонатов, предполагаемых для отправки в Москву: «два каменных креста с надписями и изображениями, одна высокая человеческая фигура и из трех мелких каменных баб – одна более тонкая с косами назад» (Листок...1881. №20. С.405).

Когда «Дука-Бек», Эльхотовский крест, крест с Рим-горы и одно из изваяний попали в московский музей в конце 1881 г., часть экспонатов «музеума», оставалась в Пятигорске и позднее. В частности, в городе точно находились, как минимум одна каменная баба, плиты с арабскими надписями и «порог» - жертвенный камень. Примечательно, что некоторые «Путеводители» продолжали еще в середине — второй половине 1880-х годов писать о музее, как существующем после его упразднения (См.н-р: Владыкин, 1885. С.134). На плане обстоятельном Пятигорска 1887 г. в Елизаветинском саду изображена округлая поляна или клумба, похожая на ту, где располагался музей древностей. К сожалению, она не имеет собственного обозначения.

Упомянутый выше Н.Е. Макаренко в 1907 г. сделал фотографии и опубликовал хорошие рисунки жертвенного камня с зооморфными рельефами в Гроте Лермонтова. Кроме того, он привел много интересных сведений, связанных с этим необычным камнем. В это время были распространены легенды о связи камня с М.Ю. Лермонтовым. Некоторые люди верили, что жертвенник доставили с места дуэли поэта. Другие говорили, что Лермонтов очень любил сидеть на нем в гроте. Со всем этим исследователь не соглашался и, также ошибочно, подчеркивал связь памятника с курганом у ст. Боргустанской (Макаренко, 1909. С.127-128, Рис. 112-113.).

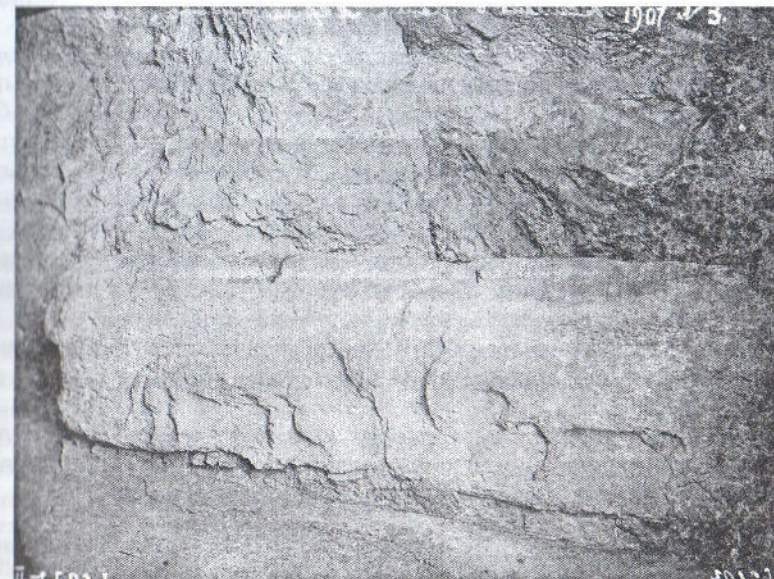

Рис. 14. «Порог» или жертвенный камень в гроте Лермонтова, Фото Н.Е.Макаренко. 1907 г. Архив ИИМК. Фотоархив. II -14857.

Рис. 15. Археолог Николай Емельянович Макаренко (1877-1938), посетивший Пятигорск в 1907 году.

Рис. 7. Николай Емельянович Макаренко (1877-1938). Рисунок И.К. Давыдова. Омск, 1982.

Елизаветинская галерея и позже была связана с историей музейного дела Пятигорска. С 1906 по 1912 годы здесь во время курортного сезона находился музей Кавказского Горного общества (предшественник Пятигорского краеведческого музея), а с 1925 года, когда галерея стала называться Академической, временно – Курортный музей.

Возведенные в непосредственной близости к месту, где находился музей древностей, Ново-Сабанеевские или Пушкинские ванны (Боглачев С.В., 2012.С.62-65), также оказались причастными к музейной сфере. В конце 1920-1930-х годах в верхнем строении ванн располагался Пятигорский краеведческий музей, а вход в него

украшали каменные изваяния, продолжавшие традицию использования подобных экспонатов в открытом показе.

Грот Дианы, который возводился в нижней части курортного цветника, изначально мыслился как памятник, посвященный первой российской экспедиции на Эльбрус 1829 г. (Боглачев С.В., 2012. С. 422-425). Возле него располагались мемориальные чугунные плиты с текстами на русском и арабском языках об этом важном событии. В начале XX столетия по сторонам от входа в Грот были размещены две каменные бабы. По описанию Н.Е. Макаренко они походили на те изваяния, которые стояли в музее древностей. Макаренко рассказывали, что лет 30 назад вдоль бульвара располагались и другие ничем не огороженные древние скульптуры. Это может свидетельствовать о том, что кроме оставшегося одного изваяния из комплекса Музея древностей в пятигорском цветнике были и другие памятники.

В советский период каменные изваяния располагались также у бывших помещений музея краеведения на улице Крайнего (Базарная), проспекте Кирова (Советский) и некоторых других местах.

Рис. 16. Участники Первой Северокавказской музейной конференции музейных работников у Пятигорского краеведческого музея, находившегося в то время в здании Пушкинских ванн. 1934 г. Справа видна «Пушкинская баба» скифского времени, стоявшая у входа в музей с 02.1932 до 1961 г.

Рис.17. Каменные изваяния в Пятигорском краеведческом музее. 1930-е годы. Архив Н.М. Егорова. Научная библиотека ПКМ.

В архиве ветерана ПКМ и его директора в 1924-1931 гг. Н.М. Егорова (1876-1965) содержатся указания на то, что в 1920-1922 гг. в Пятигорске существовало ученическое археологическое общество, члены которого сняли две каменные бабы с кургана, располагавшегося за Горячеводской больницей, и доставили их на Советский проспект в один из дворов к флигелю, где размещалось общество. 19.09. 1925 г. обе они были перевезены в помещение Терокрмузея краеведения, размещенного тогда в здании по ул. Крайнего №42 возле ЦИКа и поставлены у первой ступеньки лестницы, одна справа, другая слева. Председатель Пятигорского ученического археологического общества начинающий тогда молодой ростовский археолог Б.В. Лунин, проживавший и работавший в то время в Пятигорске (Лунин, 1927.С.7), указывал, что в действительности эти два изваяния были перенесены от грота Дианы, где они располагались во времена Н.Е. Макаренко.

Часть из этих памятников, к большому сожалению, была варварски разбита и уничтожена в апреле 1950 г. по инициативе и при попустительстве руководства городских коммунальных структур. Последнее обстоятельство породило масштабный протест представителей общественности, для которых была понятна социально-культурная ценность данных произведений древнего и средневекового искусства.

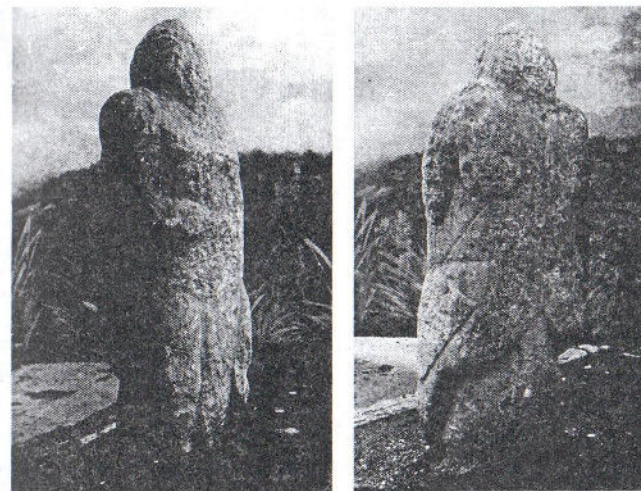

Рис.18. Фото скифского каменного изваяния, находившегося в Пятигорском краеведческом музее до апреля 1950 г. (ПКМ 7448/1-2 Нвф). Разбито во время хозяйственно-строительных работ.

После этого музейные сотрудники некоторое время не решались выставлять экспонаты за пределы помещений музея. Но уже в конце 1960-х годов тема вновь «оживла», и ее разработкой активно занимался

тогдашний директор Краеведческого музея М.К. Павлов. К проработке вопроса имел непосредственное отношение, в то время научный сотрудник музея, а сейчас - известный российский археолог, доктор исторических наук, ведущий сотрудник Института археологии РАН Г.Е.Афанасьев.

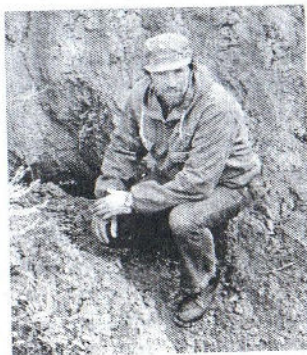

Рис. 19. Г.Е. Афанасьев – сотрудник Пятигорского краеведческого музея. Могильник Мокрая Балка у Кисловодска. 1973 г.

Были разработаны рабочие варианты эскизных проектов, краткие текстовые справки по экспонатам, археологическим культурам региона, древним народам, отдельным наиболее значимым памятникам Кавминвод (Рим-Гора) и Ставрополя (Маджары), начаты предварительные работы по подготовке создания музея под открытым небом на базе сквера в Ново-Пятигорске с древними курганами и первым пятигорским историческим кладбищем Константиногорской крепости на них.

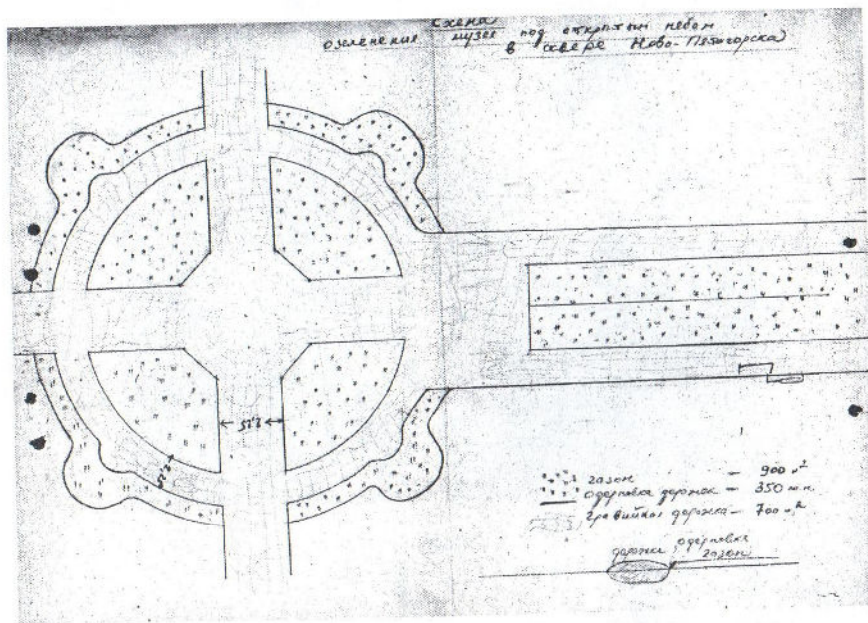

Рис. 20. Вариант эскизного проекта планировки музея древностей под открытым небом в Ново-Пятигорском сквере. 1969 г. М.К. Павлов.

Отмечалось, что музей создан в декабре 1969 года как филиал Пятигорского краеведческого музея при участии коллектива Пятигорской кондитерской фабрики и средней школы №3. Преподаватели и учащиеся школы взяли на себя охрану создаваемого музейного объекта. Предполагалось разместить на музейной площадке имеющиеся на тот период в ПКМ крупногабаритные каменные экспонаты: 2 «бабы», плиту от дольменообразного склепа, ступу, жернов, молотильный каток, надгробья XIX в. с кладбища Константиногорской крепости и другое.

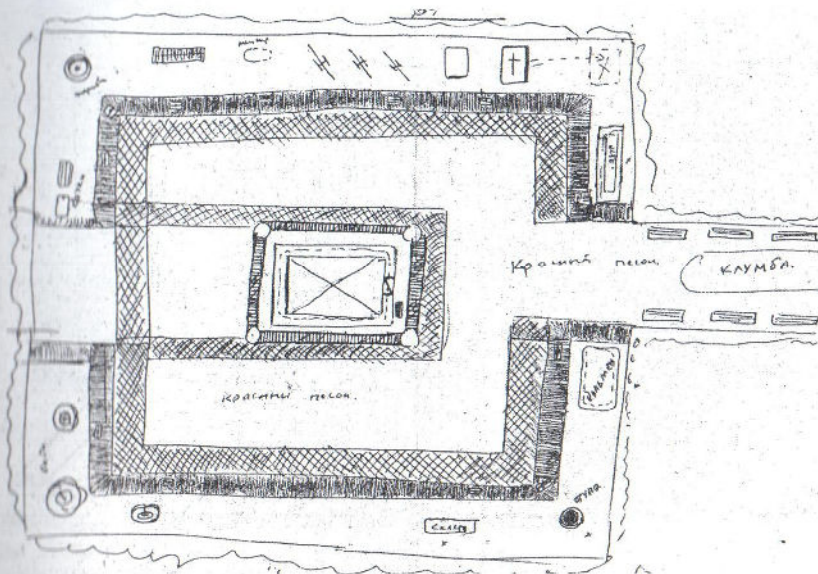

Рис. 21. Вариант эскизного проекта планировки музея древностей под открытым небом в Ново-Пятигорском сквере. 1969 г. М.К. Павлов.

Была даже отпечатана информационная афиша этого музея, и начались первые экскурсии. В полном объеме развития музея предполагалось археологически исследовать большой Ново-Пятигорский курган и на его месте возвести круглоплановое музейное строение с куполообразным сводом в границах и объеме насыпи, вновь засыпав его землей в виде кургана. В центре помещения должно быть сохранено центральное погребение кургана. Вокруг вдоль стен сооружения планировалось создать 6 ниш (секторов) с экспонатами различных эпох и культур: энеолита, северокавказской культуры эпохи средней бронзы, кобанской культуры, сарматского времени, аланской культуры и комплекс золотоордынского города Маджар.

Схема плана
археологического музея

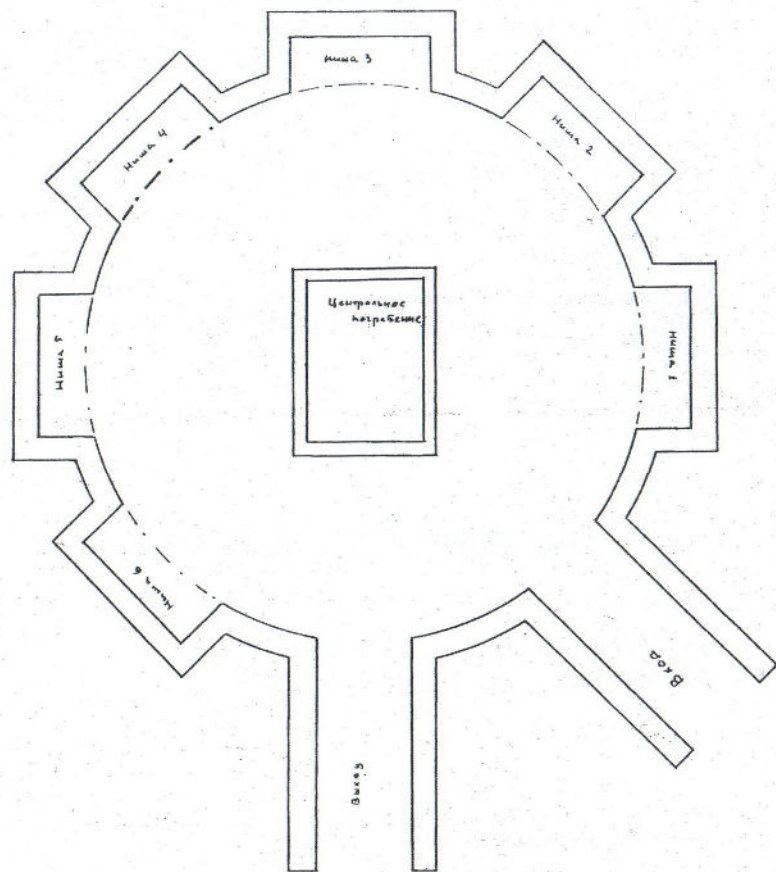

Рис.22. Варианты эскизного проекта планировки музея древностей под открытым небом в Ново-Пятигорском сквере с помещением под восстановленной курганной насыпью. 1969 г. М.К. Павлов.

Но превратить этот проект в постоянно действующий музей не удалось.

Когда Пятигорский краеведческий музей стал в конце 1990-х–начале 2000-х годов готовиться к своему столетнему юбилею, интерес к его предыстории вновь значительно возрос, и появилась идея попытаться установить преемственность между «музеем древностей» 1850 года и нынешним музеем краеведения. Появились новые публикации о старейшем музее и о некоторых его экспонатах. Высказывались мысли о воссоздании экспозиции под открытым небом.

Рис.23. Реконструкция Музея древностей в вестибюле ПКМ. 2010 г.

Сегодня в государственном бюджетном учреждении культуры Ставропольского края «Пятигорский краеведческий музей» хранится представительная коллекция крупногабаритных каменных экспонатов, в том числе и уникальный жертвенный камень из первого собрания памятников Музея под открытым небом, стоявший в Гроте Лермонтова.

ДАнные ОБ ЭКСПОНАТАХ ПЯТИГОРСКОГО МУЗЕЯ ДРЕВНОСТЕЙ

Первое известное на сегодняшний день обстоятельное описание всех памятников Пятигорского музея древностей под открытым небом было сделано в 1872 году и опубликовано в курортном «Листке...» Б...ским. Оно же почти дословно было воспроизведено в Путеводителе по Кавказским Минеральным Водам, составленным главным доктором Кавминвод и их директором М.К. Милютиним (Милютин, 1879. С.187-198). Этот же текст использовал в своей работе «Садоводство и виноградарство в районе Кавказских Минеральных вод в 1825-1855 гг.» Я.Д. Верховец в 1911 году (Верховец, 1911. С.27-28 и приложение II). Значительно раньше и чаще характеризовался «Этокский истукан» или «Дука-бек». Ниже приводятся обобщенные данные о семи основных

памятниках Музея древностей в Пятигорске в той последовательности, в которой они характеризовались очевидцами функционирования историко-культурного комплекса.

Изваяние «Дука-Бек». Этот памятник постоянно привлекал особое внимание любителей древностей и ученых, начиная со времени его открытия И.А. Гильденштедтом в 1773 году (Гильденштедт, 1992. С.281-285. Рис.20а-б). Учеными и публицистами обсуждались и обсуждаются вопросы хронологии, этнокультурной принадлежности, духовно-религиозного содержания и другие характеристики монумента. Мною не ставится задача проведения обстоятельного анализа всей накопившейся литературы по теме, а останавливаемся только на наиболее значимых и оригинальных мнениях исследователей. Помогает нам в этом и специальная публикация В.А. Кузнецова, посвященная изучению «Дука-Бека» и содержащая характеристику большинства работ, связанных с данным памятником, опубликованных к концу XX столетия (Кузнецов, 1999. С.83-99).

Открыватель объекта сделал описание и рисунки Этокского монумента со всех четырех сторон. Из сравнения с более поздними фотографиями выясняется, что данные рисунки имеют некоторые неточности, но в общем особенности памятника были отражены. Приведем выдержки из данного описания. Было указано, что статуя располагалась на холме на восточной стороне р.Этоки. Памятник представлял собой и своеобразный крест «...благодаря рукам, плотно прижатым к телу до локтей, и уродливым ногам».

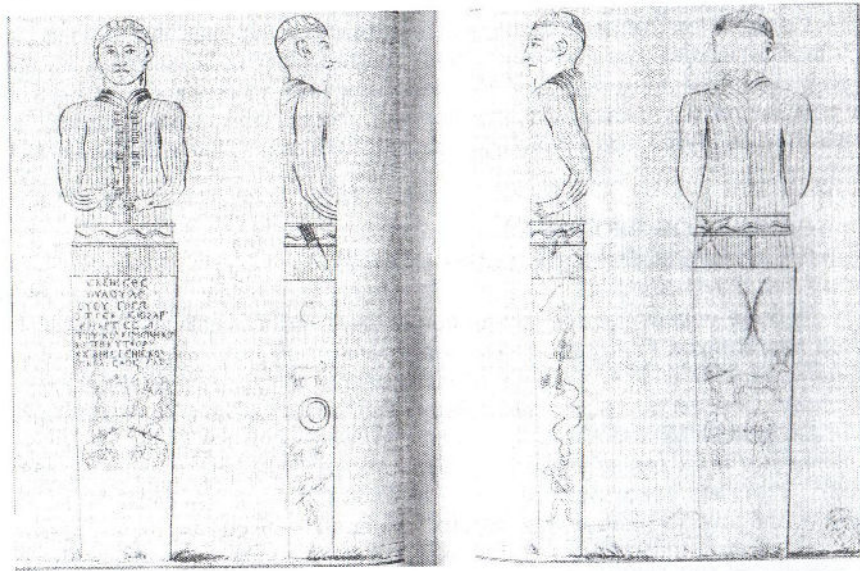

Рис. 24. Статуя «Дука-бек». Рисунок из работы И.А. Гильденштедта. 1773 г.

Он возвышался над поверхностью земли 8 футов и 8 дюймов, т. е., примерно 264-265 см. В обхвате в районе пояса – 3 фута, 8 вершков (127 см). В связи с тем, что каждая из сторон была примерно равна по ширине можно предполагать, что эта ширина составляла 30-35 см. Материал, из которого была вырублена статуя, специально не характеризовался, но указывалось, что он полностью зарос желтыми и серыми лишайниками.

Лицом статуя была обращена на запад. На голове круглый и короткий шлем, покрывающий только темя. Волосы не видны. Возможно намечены только короткие усы. Шея короткая и сзади на спине высечен маленький крест. Нижние части обеих рук положены на грудь с растопыренными пальцами. Правая рука выше левой и ее пальцы охватывают питейный сосуд в виде сапога, вероятно, рог. Руки и тело покрыты кольчугой, доходящей до поясницы, и соединяется на груди девятью узлами. Нижняя часть туловища опоясана извилистым поясом, на правом бедре на этом поясе имеется колчан с пятью стрелами, у левого бедра лук в футляре и под ним сабля. Все они показаны очень маленькими. Нижняя часть статуи представляла сплюснутый, несколько сужающийся книзу цилиндр без прорисовки ног с литерами и рельефными фигурами на нем.

На передней части сразу под поясом располагалась надпись, а под ней – две стоящие фигуры возле винного горшка, правая – с кубком, а левая – черпает из горшка, чтобы наполнить кубок. Рядом с левой фигурой имеется еще одна коленопреклоненная с кубком. Под всей композицией два всадника, сражающиеся на копьях. На задней стороне под поясом стоящая фигура с ружьем, целящаяся в бегущего оленя. Под ней две фигуры с натянутыми луками, обращенные друг к другу стрелами. На левой стороне ниже пояса показана стоящая фигура, держащая в правой руке кривую саблю, занесенную над головой, и в левой руке – цепь, на которой висит пятиголовый извивающийся дракон. Ниже еще одна стоящая фигура с лежащей на плече палицей. На правой стороне под футляром со стрелами – солнечный диск и под ним оленья самка, ниже – лунный диск, под ним – собака, еще ниже – стоящая фигура с приготовленным к метанию копьем.

И.А. Гильденштедт конкретно не говорил о датировке памятника, но заметил важную в хронологическом отношении деталь на оборотной поверхности Этокской статуи – изображение рельефной фигуры человека, целящегося в оленя из ружья. В дальнейшем этот персонаж длительное время не замечался исследователями, предлагавшими свои версии датировки памятника, и лишь В.А. Кузнецов остановился на нем специально (1999).

Вопросы этнической и культурной принадлежности изготовителей Этокского изваяния рассматривались И.А. Гильденштедтом во взаимосвязи. Он полагал, что авторами статуи были «греческие христиане» (Гильденштедт, 1992. С.281).

Исследователи конца XVIII–начала XIX в., периодически обращали внимание на «Этокского истукана». Так, Ян Потоцкий в 1798г. дважды побывал на р. Этоке, осмотрел статую «Дука-Бека» «на возвышенности на правом берегу реки возле прозрачного источника». Он также зарисовал изваяние, но рисунок его не сохранился. Ю.Клапрот, подготовивший труд Потоцкого к изданию, вынужден был проиллюстрировать его рисунками И.А. Гильденштедта. Я. Потоцкий уточнил, что фигура статуи изображена «вооруженной по-черкесски», надпись определил как «греческого характера» и также увидел в ней буквы славянского алфавита, а название «Дука-Бек» предположительно увязал с генуэзцами (Соснина, 2003. С.78).

В вышедшей в 1823 г. популярной книге о Кавказе С.Броневского указывалось, что «по некоторым изображениям догадываются только, что рыцарь Дука-Бек был христианин» (Броневский, 1823. С.54).

Обратил внимание на эту статую и известный любитель древностей, основатель Румянцевской библиотеки (современная РГБ) канцлер Н.П. Румянцев. В письме от 23 июня 1823 г. митрополиту Евгению Болховитинову из Целительных Вод (Переписка...1885. С.176) он рассказал о своей поездке в сопровождении 50-ти казаков к этому изваянию и дал описание памятника. "Монумент состоит из одного гранитного камня вышиною в 8 футов и 8 дюймов. Очень грубо изображает человеческую фигуру с руками до самого пояса, а ниже пояса видна надпись. Она начертана на неизвестном языке буквами, составленными частью из греческих, а частью из славянских. После подписи высечены разные грубые фигуры. Одна изображает двух рыцарей. Лицо у статуи похоже не на монгольское, ибо нос длинен, и не на черкесское, будучи слишком круглым... всего любопытнее... изображение маленького креста, находящееся на задней части воротника... Сам памятник называется (кабардинцами) Дука Бех. Н.П. Румянцев сделал и рисунок с этой статуи, но судьба его неизвестна.

Еще один большой труд о Кавказе был написан в 1834 г. И.Бларамбергом. Он долго существовал в рукописи и впервые опубликован в 1992 г. Автор работы знал о «Дука-Беке» и, вероятно, видел его во время посещения окрестностей Пятигорска (Бларамберг, 2010. С.391-398). Он соглашался с тем, что создание Этокской статуи «дело рук христиан» и предполагал, что «это место погребения» связано с какой-то битвой, а не с долговременным пребыванием в этих краях какого-то племени.

Кабардинский просветитель первой половины XIX в. Ш.Б. Ногмов ввел в историографию изучения Этокского изваяния версию о связи его с легендарным адыгским героем «Дууко-Баксеном» или Баксаном, утверждая, что его имя можно было разобрать в надписи. В рукописях Ногмова привлекались фольклорные материалы о нарте, погибшем в войне с тургутами (калмыками, т.е. – в XVII в. – Авт.) с семьей братьями и 80 знатными товарищами, а в изображениях на памятнике виделись:

тургутский всадник с луком в руках, разные звери, меч, шлем и щит (Из рукописи..., 1849. С.147). В книге просветителя по истории «адыгейского народа», изданной впервые в 1843 г., события, отразившиеся в легендах, относятся уже к IV в.н.э. и «тургуты» называются «гутами» - готами. В приведенной исторической песне установка памятника связывалась с сестрой погибших братьев, которая привлекла для изготовления статуи греков (История адыгейского народа...,1891. С.43-47).

Уже в составе памятников Пятигорского музея древностей было сделано описание данного изваяния 1872 года. В нем есть некоторые особенности. Даны иные размеры памятника. Высота 3 аршина 14 вершков, или 276,3 см. Статуя была закреплена в массивной прямоугольной базовой плите. По другому указывалось и соотношения ширины и толщины: 12 на 6 вершков, или 53,4x26,7 см. Отмечалось, что надпись полностью прочитать невозможно.

На Этокском истукане автор не мог прочитать ничего кроме одного греческого слова «она» или «эта» и отдельных букв. В этом памятнике Н. Благовещенский не увидел ни малейшего намека на христианство, в том числе и ни одного креста (? – Авт.). По поводу назначения монумента только ставились вопросы специалистам археологам: был ли он кумиром для религиозных оргий и жертвоприношений, или памятником местному герою, погибшему в поединке, или простым надгробием?

Рис. 25. Фото «Дука-Бека» конца 1870-х годов в Елизаветинском цветнике из альбома по Кавказу И. Ланге, опубликованное в книге «Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе». В.А. Потто. Вып. I. Тифлис, 1906.

Важным средством для уяснения историко-культурного содержания и значения памятника является раскрытие содержания надписи на нем. Вопрос специально рассматривался в рамках сводной публикации греческих и латинских надписей Кавказа, выполненной И. Помяловским в 1881 г. для V Археологического съезда в Тифлисе (Сборник греческих..., 1881. С.17-18). Но попытки их прочтения предпринимались значительно раньше и позже. Так, например, в 1850 г. инициатор переноса памятников в Пятигорск Авр. Фиркович увидел в надписи на «Дука-Беке» дату - 1130 г. от Рождества Христова. С ним спорил капитан корпуса Путь сообщения А.А. Гукасов, который считал, что надпись на памятнике указывает на 130 г. Р.Х.

Пятигорск. № 189. Каменный бог из Баяндзет. Иллюстрация

Рис. 26. Вид статуи «Дука-Бек» со спины в Пятигорском музее древностей. 1870-е гг. Из набора фотографий по Кавказу И. Ланге. Фонды Кисловодского историко-краеведческого музея «Крепость». 5713 Оп.

и изображает Артаваза или Тиграна, армянских царей, т.к. в это время христианство на Кавказе было только в Армении (Тергукасов, 1851. С.139-146). Эта версия в дальнейшем была полностью отброшена.

И. Помяловский посчитал надпись на «Дука-Беке» утраченной, и привел только фрагменты греческих слов и буквенных сочетаний. С этим не согласился крупный ученый-эпиграфист В.В. Латышев и другие специалисты.

Крупный кавказовед конца XIX—начала XX в. В.Ф. Миллер, изучая наши памятники в Кавказском зале Исторического музея, где Эльхотовский крест стоял справа, а Камбелеевский — слева, от статуи «Дука-Бека», решил сосредоточить внимание не на текстах, а на изображениях (Миллер, 1893. С.119-136). Его статья до сих пор остается самой обстоятельной проработкой семантического содержания рельефных сцен и образов рассматриваемых памятников. Исследователь внес и некоторые уточнения в прочтение текстов. Учитывая грамматические и орфографические ошибки, он представил надпись на Этокском изваянии в варианте В.В. Латышева: «Упокоился раб Божий Георгий грек, 130 года, 12 марта». Приводилось и мнение греческого специалиста Попадопуло-Керамевса считавшего, что слово, переведенное как «грек» правильнее читать как «священник». В неразобранной Латышевым части текста он выявлял фразу «Господи помози...», а дату определял как «7131», т.е. «1623» (Миллер, 1893. С.123). Оба перевода казались В.Ф. Миллеру не точными потому, что он не видел в статуе ни грека, ни священника. Дату 1623 г. он также полагал недопустимой, т.к. «...в 17 столетии на северокавказских памятниках едва ли можно найти греческий язык даже в таком жалком виде, в каком он является на Этокском памятнике» (Миллер, 1893. С.124).

Рис.27. Фото изваяния «Дука-Бек» с четырех сторон. Начало XX в.

Сейчас нет возможности останавливаться на подробном разборе образов изображений памятников, проведенном В.Ф. Миллером. Поэтому приведем только общие выводы. Для их смыслового раскрытия были привлечены богатые материалы по традиционным представлениям о загробном мире из осетинского фольклора, в частности, обрядовые тексты посвящения коня покойнику и сюжеты нартовского эпоса. Этот интерпретационный подход был поддержан этнографами и археологами — кавказоведами (Калоев, 1984. С.100-101; Охонько, 1994. С.7-8 и другие) и используется до сих пор. Одновременно В.Ф. Миллер говорил о том, что памятники дают возможность «заглянуть в религиозные верования черкесов».

Предположительно черкесскими определялись и непередаваемые с греческого языка фразы надписей. При этом указывалось, что данных о том, что черкесы ставили памятники над могилами по средневековым источникам, не выявлялось. В рассмотренных объектах виделись мемориальные знаки об именитых покойниках, устанавливаемых на «проезжих местах». По духовно-семантическому содержанию данные памятники определялись как отражение двоеверия кавказцев и смешения в их представлениях христианских символов с языческими понятиями. Христианство оценивалось как «захудалое», но влияние его на изготовителей памятников — «кавказских художников» просматривалось.

Советский период изучения не принес чего-то принципиально нового в понимание памятника. В это время А.А. Иесеном была поддержана датировка «Дука-Бека» XVII веком. А.Ж. Кафоевым, наоборот, активно развивалась раннеадыгская версия его интерпретации, объекты упоминались и рассматривались в работах других исследователей (Кузнецов, 1999. С.85-86). Нужно указать также попытки прочтения неясных строк и фраз надписей на Этокском монументе, предпринятые Г.Ф. Турчаниновым и определенные как «кабардинские приписки (Турчанинов, 1971. С.106-113). Содержание переводов, предполагает, что они были сделаны местными мастерами, указавшими собственные кабардинские имена и такие же имена тех лиц, кому были поставлены памятники. Насколько эти прочтения обоснованы, судить трудно.

В последние десятилетия изваяние «Дука-Бека» вновь привлекло особое внимание. Он стал еще более популярным, т.к. его пытаются отнести к различным эпохам и историко-культурным мирам, дают различные интерпретации. Популярный публицист А. Асов, не являющийся профессиональным историком и лингвистом, выдвинул и широко распропагандировал свою трактовку историко-культурной принадлежности памятника. Он определил его как древнерусскую статую князя Буса IV в.н.э. Надпись на памятнике объявлена рунической, прочитана и датирована 21 марта 368 г. (Асов, 2000, С.80-94). Не вдаваясь в дискуссионную тему существования и содержания древнерусского рунического письма, отметим несоответствие археологических реалий и изображений (детали костюма, изогнутая сабля, ружье и др.) столь ранней дате и научную некорректность многих построений А. Асова, а также немало числа его сторонников и последователей.

Научным вкладом С.Н. Малахова в данную тему было обоснование поздней датировки в пределах XV-XVI вв. н.э. не только «Дука-Бека», но и ряда других кавказских антропоморфных изваяний с христианскими символами (Малахов, 2000. С.94-96). В 2010 г. надпись на «Дука-Беке» вновь была проанализирована Д.В. Каштановым с позиций греческого письма и языка, который установил на основе палеографического анализа, что надпись эта должна относиться ко времени не ранее середины XV в. (Каштанов, 2010. С.175).

Одной из последних работ, затрагивающих данный памятник и «Эльхотовский крест», была моя статья 2012 г., посвященная историко-культурной оценке предкавказских изваяний с поздними эпитафиями. Я присоединился к мнению о поздней датировке «Дука-Бека» и других сходных монументов, отнеся их к концу XVI - середине XVII века. В образах изображений действительно присутствуют элементы традиционных воззрений и обрядов, но прослеживается и линия христианского влияния на сознание местных жителей. Поэтому я

допустил возможность трактовки данного сложного памятника как отражения действий по сохранению христианских воззрений в местной среде в условиях постепенной утраты его позиций под влиянием ислама. Предполагается, что в попытках восстановления христианского учения, повлиявшего на создание мемориально-символических объектов с эпитафиями религиозного содержания, сыграли определенную роль и участники московской миссии 1559-1560 гг., организованной Иваном IV Грозным, опиравшиеся на сохранявшиеся еще признаки и результаты духовной деятельности византийско-аланских и грузинских христианских проповедников (Савенко, 2012. С.272-273).

Несмотря на то, что «Дука-Бек», сохраненный Пятигорским музеем древностей под открытым небом во второй половине XIX столетия, изучается уже 240 лет, остается еще немало вопросов, требующих уточнения. Необходимо более обстоятельное изучение памятника в Государственном Историческом музее, где он длительное время находится в экспозиции (От каменного века..., 2003. С.85). Возможно эту работу удастся провести во время подготовки полномасштабной копии памятника для восстановления Пятигорского музея древностей.

Эльхотовский крест.

В описании экспонатов Пятигорского музея древностей этот памятник поставлен на первое место. Факт его открытия в начале весны 1850 г. связывался с Авр. Фирковичем. По его инициативе он сначала был перевезен во Владикавказ, а затем, 7.12. 1851 г. - в Пятигорск. Т.е., он попал в собрание «музеума» одним из последних в первой серии экспонатов. Но в действительности открыт он был значительно раньше, еще И.А. Гильденштедтом в 1781 году, который приказал его срисовать. «Крест в виде параллелепипеда», увиденный в Малой Кабарде между ручьями Ассокай и Мандрах, имел высоту 8 парижских футов, содержал изображения фигур и «на самой значительной стороне» надпись на греческом языке, которая была частично прочитана и в ней выделено имя «Теодора, сына Ноя» (Гильденштедт, 1992. С.260).

Я. Потоцкий приводит фразу надписи с Эльхотовского креста без упоминания самого памятника со ссылкой на перевод И.Гильденштедта: «До второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа здесь упокоился Теодатус – сын Ноа...мая...».

Интересные данные об Эльхотовском кресте на месте его первоначального расположения оставил член-основатель Императорского Археологического общества, кавказовед, военный и общественный деятель И.А. Бартоломей. Находясь в ст. Змиевской (Змейской – Авт.) он перебрался на восточный берег реки у древнего минарета и оказался в долине, усеянной курганами различной величины.

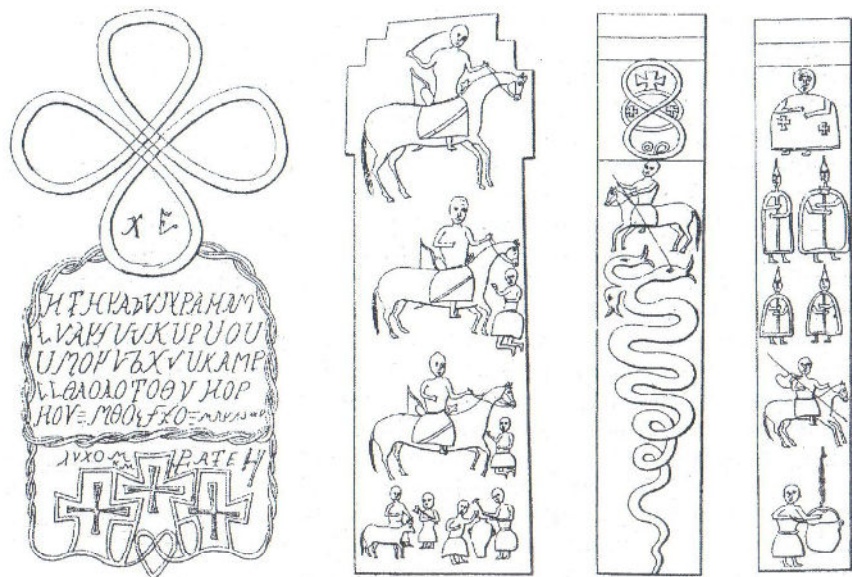

Рис.28. Прорисовка изображений на Эльхотовском кресте. 1781 г. Из работы И.А. Гильденштедта.

«Близ одного из трех главных курганов находится каменный крест с выпуклыми фигурами и надписью греческими буквами...». Разобрать надпись, покрытую мхом, исследователь не смог, но сделал рисунок и описание, по которым устанавливается, что надпись находилась на главной стороне креста, обращенной на север. Три всадника, соответственно, были обращены к югу. На восточной стороне размещался крест узловой формы, а внизу всадник, поражающий копьем трехглавую гидру (Десятое заседание..., 1851. С.135-136).

Еще один московский любитель старины Н.А. Дубовской во время посещения Пятигорска летом 1869 г. оставил описания Эльхотовского креста и привел перевод надписи, сделанный архимандритом Амфилохием – авторитетным палеографом, знатоком древнегреческих и древнеславянских духовных источников, действительным членом Московского Археологического общества, членом-корреспондентом Академии наук. Текст перевода следующий: «Поставила Евгения (или Евсевия) настоящий крест Господа Нашего Ис...Ха...(по догадке) в день успения... страстотерпца Божия Георгия (далее непонятно) 23 апреля». Относительно же самого креста о.Амфилохий сказал, что он заслуживает внимания археологов и подтвердил, что изображенный на нем всадник, поражающий змея, есть Георгий Победоносец (Дубовской, 1875. С.80).

Из деталей характеристики рассматриваемого памятника Н.Благовещенским отмечены следующие. Высота «неправильного креста» определяется в пределах 3,5 аршина (251,3 см), ширина около аршина (72 см), толщина в пол-аршина (35-36 см). На лицевой стороне камня вверху в виде барельефа высечен конный всадник, одетый, возможно, в панцирь, со шлемом на голове и поднятым мечем (саблей – Авт.). Ниже этой фигуры, один под другим изображены еще два всадника, сзади которых стоят на коленях фигуры с поднятыми руками. Под ними внизу — группа людей возле большого сосуда с поднятыми кубками в руках.

На оборотной (у Бартоломея — лицевая -!) стороне вверху — большой орнамент в виде креста, под ним, вероятно раньше была надпись. Еще ниже показана кобылица или лань пронзенная копьем, а под ней жеребенок, сосущий у нее молоко. Пронзенная копьем кобылица или лань с жеребенком названа «эмблемой скорби оставшихся родственников об усопшем», встречающейся на древних надгробных памятниках.

№ 184. Древний кресто-образный памятник в Елизавет-дворце.

Рис. 29. Эльхотовский крест в Пятигорском музее древностей. 1870-е гг. И. Ланге. Фонды ПКМ.

По боковым сторонам камня, справа –верху то же орнамент в виде креста, по обеим сторонам которого правильные четырехконечные кресты меньшего размера. Под орнаментальной композицией – всадник, а ниже его – огромный трехголовый змей, свившийся винтом. На левой боковой стороне сверху изображена фигура в длинной одежде со сложенными на груди руками. Вокруг головы – как бы сияние. По обеим сторонам головы и одежды – четырехконечные кресты. Данная фигура со сложенными на груди руками определена как изображение святого или священника в полном церковном облачении, сходное с образами византийских икон. Под этой фигурой друг под другом были две пары человеческих фигур и в самом низу – еще одна, держащая что-то наподобие «корзины» (котел на цепи – Авт.).

Надпись на Эльхотовском кресте была приведена И.Помяловским в переводе архимандрита Амфилохия, а на Камбилеевском кресте в виде: «Помяни Господи душу раба твоего Георгия...его...в день судный во второе пришествие твое. Лета 7089. Апреля» (Помяловский, 1881. с.16).

Рис.30. Эльхотовский крест. Фото в работе В.Ф. Миллера (1893).

Обозначилось существенное расхождение с прочтением И.А. Гильденштедта. В новом варианте не было имени Теодора или Феодора, сына Ноя, не совпадал месяц. Перевод вновь установленной даты на современное летосчисление давал 1581 г.

Перевод надписи на Эльхотовском кресте был дан В.Ф.Миллером в собственном прочтении: «До второго пришествия...Господа нашего... Христа покоится раб Божий Георгий». Несколько букв в конце ученый не разобрал. Исследователь также обратился к осетинскому фольклору при трактовке образов, изображенных на кресте.

В советское время памятник упоминался исследователями, но детально рассматривался не часто. В связи с анализом изображений на знаменитой Кяфарской гробнице к Эльхотовскому кресту обращался Н.А. Охонько (Охонько,1994. С.7-8).

В последние десятилетия к специальному анализу семантики изображений на Эльхотовском кресте и памятнике «Дука-Бек» прибегал осетинский искусствовед В.Цагараев. Он раскрывал содержание образов и изображений с позиций традиционных осетинских воззрений и верований (Цагараев,2000.С.173-181). Изображения креста привлекались и приводились в работах В.А. Кузнецова. И все же возможности детального изучения Эльхотовского креста еще не исчерпаны.

Первое каменное изваяние.

Развернутые сведения о памятнике впервые были приведены в статье Н. Благовещенского (1872). Оно представляло собой скульптуру в виде человеческой фигуры в натуральную величину. Раньше она была показана на шаржевой рисунке Туркестанова (1852) и более профессиональной зарисовке, выполненной во время посещения Пятигорска экспедицией Н.А. Нарышкина в 1867 г. Эта зарисовка сохранилась в альбомах Д.М. Струкова, хранящихся в архиве Института Истории материальной культуры. По информации Авр. Фирковича и подписи на зарисовке статуя была взята в станице Эссентукской.

Высота ее указывалась в 2 аршина 6 вершков, или 168,9 см. Эта цифра примерно соотносится с масштабом рисунка. Ширина определена в 10 вершков (44,5 см), толщина в 5 (22-23 см).

На голове истукана – круглый шлем, на котором заметен положенный крест-на-крест выпуклый обод. Сзади из под шлема видны две косы, свитые жгутом, соединяющиеся на спине в одну. На груди «как будто панцирь... вокруг шеи выпуклый ободок, наподобие бус» (гривна – Авт.). Иные детали в этом описании отсутствуют.

Изваяние упоминалось Г.Д. Филимоновым в публикации 1876 года (Филимонов, 1876. С.78). На фотографии Энгеля (1881) изваяние неплохо просматривается в левой часть огороженной площадки, но мелкие детали не видны.

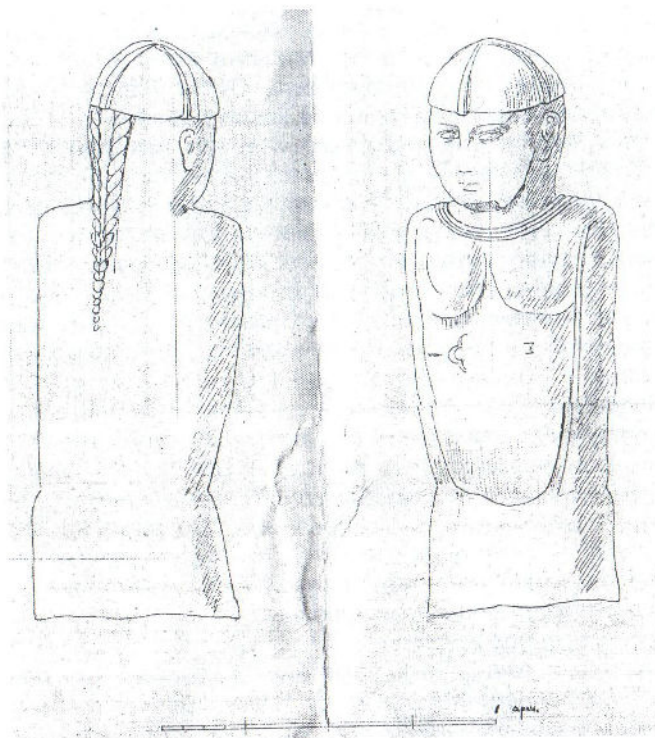

Рис.31. Изваяние тюрского типа 1 из Пятигорского музея древностей. 1867. Архив ИИМК. 2085. Д.273.Л.22.

Данная статуя, также как «Дука-Бек» и Эльхотовский крест, была переправлена в конце 1881 года в ГИМ. Уже в советское время изваяние привлекло внимание исследователей. В одной из ранних статей А.П. Смирнова 1946 года, ученый опубликовал каменную бабу из Куйбышева и в качестве аналогии для анализа привлек «пятигорское» изваяние. В статье была приведена фотография экспоната и некоторые детали описания (Смирнов, 1946. С.42-43. Рис.18). Указывалось, что данная каменная баба отличалась примитивностью очертаний, но, при этом, тщательной отделкой. Спина плоская, передняя часть туловища полукруглая. Слегка намеченные руки опущены вдоль туловища. Голова высечена довольно хорошо. На ней обозначены глаза, рот, слегка выступающий нос. С затылка спускаются две косы, сплетенные вместе. Шлем изваяния был отнесен к типу Spangenhelm и по времени памятник располагался между куйбышевской находкой и образцами каменных баб позднего типа. Нижняя цилиндрическая часть статуи предназначалась для укрепления в почве.

Важным аргументом для датировки было изображение серьги «алтайско-хазарского типа» в виде кольца со стержнем, заканчивающимся утолщением или пирамидкой. На основании всего сказанного изваяние было отнесено к VI-IX вв.н.э. (Смирнов, 1946.С.43.).

Рис. 32. Фото каменной бабы из Пятигорского музея древностей в собрании ГИМ. 1946 г.

В статье В.А. Кузнецова, посвященной тюрским изваяниям из Пятигорья, об этом экземпляре не сообщалось (Кузнецов, 1980. С.69-78).

Второе каменное изваяние.

Данное изваяние в описании 1872 года называется обломком – «голова с туловищем». Однако на фотографии экспозиции музея древностей 1881 г. она выглядит довольно крупной и фактически не уступает по масштабам первому изваянию. На рисунке экспедиции Н.А. Нарышкина видно, что у бабы могла быть обломана только нижняя часть. Происходил предмет также из окрестностей станицы Эссентукской.

В описании указывалась только «круглая шапка» (шлем – Авт.) на голове изваяния. На рисунке же просматриваются рельефные перекрестные ободки на шлеме, мысовидный рельефный ворот одежды и, возможно, детали доспеха. Руки статуи соединены под

животом. Этим, к сожалению, ограничиваются данные о памятнике. Он не вошел в собрание ГИМа, и, вероятно, оставался в Пятигорском цветнике. Позднее изваяние могло находиться в районе ресторана Николаевского вокзала и Грота Дианы, где две каменных статуи отмечал в 1907 году Н.Е. Макаренко.

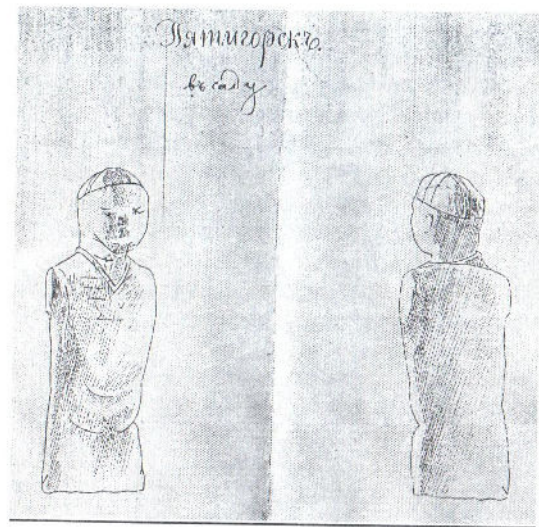

Рис.33. Изваяние тюрского типа 2 из Пятигорского музея древностей. 1867. Архив ИИМК. 2085. Д.273.Л.22.

Крест с греческой надписью с Рим-Горы.

Крупный каменный крест с обломанным верхним окончанием находился до весны 1850 года на дворе есаула Абукова в ст. Кисловодской, где его сначала срисовал Авр. Фиркович (Фиркович, 2006.С.51). Сам же есаул нашел этот крест на средневековом городище Рим-Гора в окрестностях Кисловодска.

Он имел в высоту 3 аршина (213,4 см), ¼ аршина (18-19 см) шириной и толщиной, по всей вероятности, в среднем, в греческой надписи на кресте Фиркович прочитал имена «рабов Божиих Георгия и Якова».

Во время «нарышкинской» экспедиции крест был зарисован.

В описании Н. Благовещенского о памятнике указано следующее. Высота называется выше на 4 вершка (около 20 см), ширина перекладины ½ аршина (36 см). Верхнее окончание до 6 вершков (около 30 см) и правая часть креста повреждены. Пострадала и левая часть надписи. Путем подбора знаков и слов автор предложил свое прочтение надписи: «Спаси раба твоего Сергия Бесстрашного...».

Рис. 34. Рим-Горский крест с надписью. Рисунок 1867 г. Архив ИИМК. 2086. Д.273.Л.21.

В конце вырезанного текста выделялось и словосочетание «Святого Якова».

Другие исследователи (И.А. Бартоломей, Г.Д. Филимонов и др.) склонялись к прочтению, аналогичному предложенному А.Фирковичем. Такой же вариант дает и И. Помяловский (Помяловский 1881. С.6). В.В. Латышев сделал вывод о том, что надпись на кресте является одной из ранних и датируется VII–VIII вв. н.э. (Латышев, 1877.С.44-45.Табл.1,1). Советский и современный кавказовед В.А. Кузнецов придерживается данной точки зрения (Кузнецов, 2002. С.79 и др.).

«Каменный порог» или «жертвенный камень».

Первые известия об этом предмете привел в своей работе Авр. Фиркович. Эти данные ясно противоречат путанице, возникшей позднее по поводу происхождения памятника. Находчик указывает, что он забрал его в селе Покойном у местного жителя – «поселянина

Звезда» (Фиркович, 2006.С.60). Первый выявленный на сегодняшний день рисунок памятника был выполнен во время экспедиции Н.А. Нарышкина в 1867 году.

Рельефы каменным плитам,
найденные в 1867 году от Пятигорска на порогах
Грота Елизаветинской галереи.

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис.35, 1. – «Порог» из собрания Пятигорского музея древностей. Рисунок 1867 г. Архив ИИМК; 2 – «Порог». Рисунок Н. Макаренко, 1907 г.

Н.Е. Макаренко, описывая камень с рельефами, находящийся еще в Гроте Лермонтова, указал, что в отчете об экспедиции братьев Нарышкиных о нем не было никаких сведений (Макаренко, 1911. С. С.127-128, Рис. 112-113). И действительно, в опубликованном варианте отчета о «пороге» ничего не говорится (Отчет.,1877.С.325-367). Но в альбоме, присланном исследователями, находился рисунок с

подписью «найденный в 60 верстах от Пятигорска на кургане близ Боргустанской станицы». На данном рисунке камень изображен с одной продольной стороны, по всей вероятности потому, что он уже был закреплен у стенки Грота и обратная сторона не была доступной для рисовальщика. Обращает на себя внимание реализм прорисовок голов барана на узком, и крупного животного (?) с закрученными рогами на широком торцевых концах камня.

Первое подробное описание уникального «порога» содержалось в публикации 1872 года: «Каменный порог от дверей, переломленный пополам, с высеченными по обеим сторонам его фигурами животных. В длину имеет 2 аршина 8 вершков, в высоту 9 вершков, в толщину 7 вершков. Помещается...в Елизаветинском гроте (или Гроте Лермонтова) близ той же Елизаветинской галереи. На одной стороне камня изображены в виде грубого барельефа два идущие зверя, обращенные головами друг к другу. Один зверь...напоминает буйвола или бизона, а другой более походит на лошака. На другой стороне тоже изображены два зверя. Но о фигурах этих зверей можно судить только посредством осязания или ощупывания, так как видеть их в настоящее время нет... возможности. Памятник одной своей стороной близко примазан к стене Грота... Однако, ощупывая барельефы можно догадываться, что звери... тоже обращены грудью друг к другу, но головы их откинута назад в противоположные стороны. Хвосты у зверей длинные и какие-то крокодиловые. На двух углах камня высечены овальные круги в виде скобок и от них идут вниз как будто кисти. В бумагах, из которых мы заимствуем деловые сведения о памятниках, этот памятник назван порогом для дверей, но нам кажется, что для порога он слишком высок и прежде имел совсем другое назначение. Вероятно предположить, что он составлял часть карниза или наружного фундамента для колоннады в каком-либо здании или даже служил жертвенником для жертвоприношений животных». В данном описании впервые камень называется жертвенником, что, вероятно, обоснованно. В описании указывалось, что «порог» и деталь украшения над дверьми с арабскими надписями, доставлены в Пятигорск по распоряжению начальника Центра Кавказской линии князя Эристову в одно время с большим крестом из района Эльхотовского аула, «когда и кем они были найдены не известно». То есть, уже в этом описании были внесены многие неточности по - поводу происхождения памятника.

В описании Макаренко даются уточненные размеры прямоугольного и четырехгранного продолговатого бруса: 2 арш. 10 в. на 8 и на 8 в. в средней части, левая от зрителя сторона сужается до 7 в., правая – расширяется до 9 в. Приводятся размеры двух четырехугольных углублений на верхней плоскости камня – 4 ½ на 3 ½ вершка и глубиной в 1 вершок, отстоящих друг от друга на 1 аршин. Отмечена высота рельефов в пределах ½ вершка. Детальнее

характеризуется пара зверей на продольной стороне и говорится, что один из «направляющихся друг к другу» животных – на высоких лапах и с приподнятой головой, «другой с головой несколько опущенной вниз с рогами». Правый конец камня заканчивается схематическим изображением рогов барана (?) и левый также. Макаренко назвал камень «надгробным памятником» и усомнился, что он мог располагаться на недоступной скале Рим-Горы.

Не вдаваясь в подробности изучения данного первого экспоната Пятигорского краеведческого музея, проведенного мною в специальной статье (Савенко, 2011. С.178-185), подчеркну, что, к счастью, «жертвенный камень», доставленный в музей 1930 г., и сейчас хранится и экспонируется в нем.

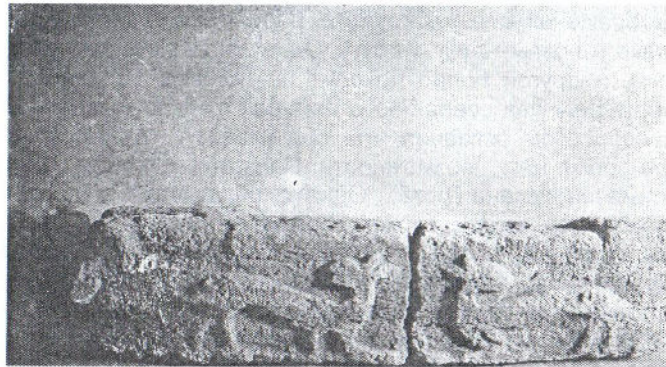

Рис. 36. «Жертвенный камень» в фондах ПКМ. Фото 1930-х гг. Научная библиотека. Архив Н.М. Егорова, папка 21.

Выставленный в настоящее время в фойе Пятигорского краеведческого музея известковый плотный камень чешуйчатой структуры светлого серо-желтого цвета был подвергнут детальному осмотру и обмерам, зарисован и сфотографирован (Рис.3-6). В результате определено, что наибольшая общая его длина с учетом выступающих деталей составляет 186 см. Ширина в средней части – 48 см и высота – 38-39 см. К коротким торцевым сторонам он сужается в обе стороны, но в одну до 40 см, а в другую – 30-31 см. Прямоугольный в сечении брус поломан на две почти равные части (91 и 95 см длиной) так, что ни одно изображение животного не пострадало. Не исключено, что камень изначально состоял из двух частей или имел трещину.

Нижняя грань камня прямо подтесана и затерта, что позволяет согласиться с тем, что камень стоял на какой-то ровной поверхности, возможно, пьедестале (А.Н. Коваленко, В.А. Фоменко).

Пара животных на той боковой продольной стороне, которая была доступна и изображалась исследователями, к настоящему времени существенно пострадала и имеет утраты. Но в изображениях можно опознать животных. Слева – это крупный кошачий хищник с приподнятой на высоких лапах передней частью туловища и головой, и опущенным задом с длинным хвостом. Можно предполагать, что зверь показан перед прыжком. Правое животное, скорее всего, копытное с рогами типа быка, или с длинными ушами как у осла (кулана - ?). Горбатый нос опущенной головы может указывать и на сайгака. Длина каждого из животных – 52-53 см, высота рельефа – 3-4 см. Расстояние между мордами – не более 10 см.

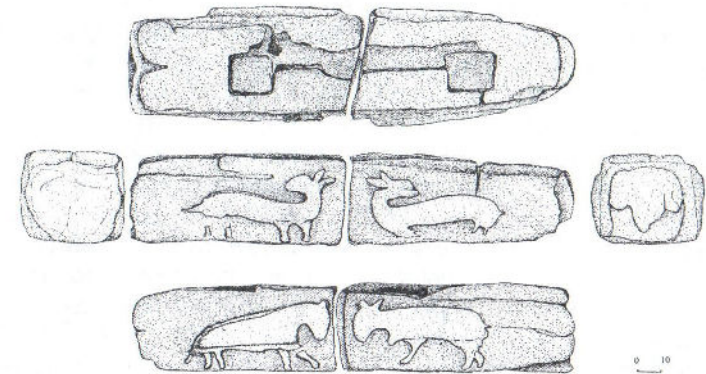

Рис.37. «Жертвенный камень» Рисунок 2011 г. ПКМ. 2336 Оф.

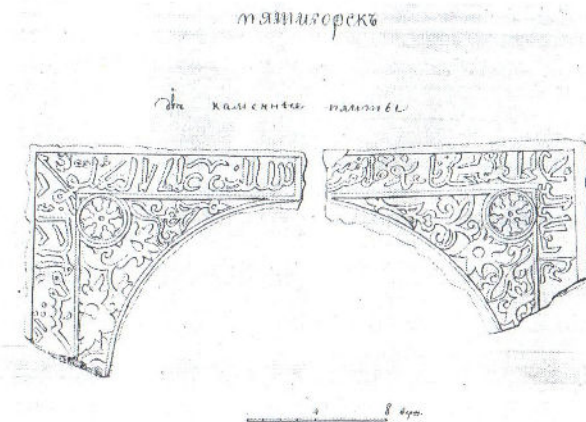
Пара существ на другой стороне представляет собой геральдическое изображение животных с продолговатыми туловищами, укороченными лапами, небольшими головами с длинными ушами. Несмотря на то, что длина их также составляет 52-53 см при высоте рельефа – 2-2,5 см, они явно относятся к числу небольших животных. Головы, повернутые назад, указывают на то, что они показаны ожидающими опасность или спасающимися от преследования. Расстояние между фигурами – 22-23 см. У животных не прослеживаются длинные хвосты типа «крокодиловых», какие «нащупал» Н.А. Благовещенский. Не имеют они и больших пушистых хвостов как у хорьков. Возможно это зайцы.

Изображения на торцах в настоящее время плохо прослеживаются. Контуры рельефа на узкой стороне напоминают голову барана с закрученными рогами. Рельеф на широком торце значительно сбит. Остается только доверять ранним изображениям и предполагать в них голову крупного животного с закрученными рогами, вероятно, также барана.

Я склоняюсь к его определению экспоната как жертвенника. В архитектурном сооружении он мог быть только открытым со всех сторон, кроме нижней грани, венечным завершением или замковым камнем. Подобные плиты встречались на средневековых склеповых гробницах Верхнего Прикубанья, например, в Гиляче и Верхней Теберде (Охонько, 1994. С.18. Рис. 9). Но они имели изображения только с лицевой стороны. Не находят в этом случае и разумного объяснения подпрямоугольные углубления со сливами. Если камень считать жертвенником, то и изображения животных становятся понятными как обрядовые образы. Сторона с кошачьим хищником и копытным, по-видимому, схематично отражает охоту хищника перед сценой терзания, распространенной в восточном искусстве. Реалистичные парные, бегущие и преследуемые зайцы представлены, например, в близких по времени к предполагаемой датировке памятника византийских декоративно-прикладных изделиях X-XIII вв. (Даркевич, 1975, С.83. Рис. 112; С. 201-202, 209). Заяц в мифологии и воззрениях часто являлся жертвенным животным, символизовавшим плодородие, порождающее начало, покровительство женщин, удачу (Энциклопедический словарь..., 2003. С.266-270; Вольная, 2002. С.106-108). Получил он отражение и в ранней христианской символике, в которой с зайцем соотносятся такие сложные понятия как «быстротечность жизни», «преследование христиан» и даже «символ бессмертия души» (Христианская символика..., 1908. С.187-188). Образ барана и, прежде всего, его головы с рогами, очень популярен в различные периоды истории в Евразии, вообще, и на Северном Кавказе, в частности. Это животное также широко применялось как жертвенное. В авестийско-иранской мифологической традиции, к примеру, с бараном отождествляется «Фарн» – благополучие (Мифы..., 1992. С. 238, 557-558). Все это в совокупности позволяет считать версию трактовки уникального памятника как жертвенника наиболее предпочтительной.

Каменные наддверные плиты с арабскими надписями.

В домовладении «поселянина Звезда» из с. Покойного, располагающегося возле городища Маджары, помимо «жертвенного камня», Авр. Фиркович нашел и «...два треугольных камня, как видно взятые из аркообразной двери мечети, чему служат доказательством надпись на них, заключающая стих из Корана» (Фиркович, 2006. С.60). Зарисовка этих плит, выполненная, по всей вероятности, в 1867 году, сохранилась в наборе иллюстраций из альбомов Д.М. Струкова в Архиве ИИМК.

В сел. Железница в гроте, на территории восточной стороны грота, в сел. Покойного в гробнице с надписями.

Рис. 38. Плиты с арабскими надписями из собрания Пятигорского музея древностей. Рисунок 1867 г. Архив ИИМК. Д.273.Л.23.

Некоторые детали характеристики предметов имелись в описании 1872 года. По краю, на расстоянии 1,5 вершка друг от друга шли два бордюра, между которыми – арабская надпись. На вогнутых поверхностях рельефные украшения из листьев и ветвей. Длина одной стороны плиты – 14 вершков (62,3 см), другой – 9 вершков (40 см). Н. Благовещенскому не было ничего известно о месте и авторах находки этих памятников.

Плиты были сначала закреплены в Гроте Лермонтова. Позже они были утрачены. Иных сведений о предметах на данный момент в нашем распоряжении нет.

ОСНОВЫ КОНЦЕПЦИИ И ЭКСПОЗИЦИОННОГО ПОСТРОЕНИЯ

Основные цели проекта:

- восстановление и поддержание былых и зарождение новых социально - культурных традиций города-курорта всероссийского значения и молодой столицы Северо-Кавказского Федерального округа (СКФО);

- развитие музейной сферы города-курорта Пятигорска, Ставропольского края и СКФО и социально-стабилизирующим потенциалом;

- развитие качеств Пятигорска как культурного центра региона Кавминвод и СКФО;

- привлечение внимания различных категорий местных жителей города и гостей курорта к пониманию богатства и разнообразия культурного наследия исторического города России – Пятигорска, уникального и неповторимого в природно-культурном отношении;

- показ особенностей и единства культурного развития народов региона.

Задачи проекта:

- совершенствование форм музейной деятельности в регионе;

- расширение поля культурной работы на открытых пространствах города Пятигорска;

- активная популяризация особо ценных и значимых историко-культурных объектов региона;

- содействие формированию и развитию системы сохранения и разумно-рационального использования историко-культурного наследия города-курорта Пятигорска;

- усиление интереса к Пятигорску со стороны посетителей и гостей курорта;

- широкое вовлечение населения города и, прежде всего, детей и молодежи в познавательную, социально-культурную и созидательную деятельность по сохранению и изучению многообразной культурной среды региона;

- развитие позитивной общественной инициативы и социально-культурного волонтерства в организации и проведении досуга.

Основные концептуальные идеи

Авторы проекта исходят из того, что осознанное уважительное отношение к культурному наследию населения Северного Кавказа является одним из факторов стабилизации социальной среды, миротворчества и выработки взаимопонимания между представителями различных народов в многонациональном поликультурном и поликонфессиональном регионе. Созданный в 1850 г. Музей древностей в Пятигорске включал в себя и сохранял для обозрения и изучения памятники различных районов и исторических эпох Северного Кавказа и Предкавказья. В таком же качестве предполагается его воссоздание. Для этого предусмотрено использование реальных экспонатов Пятигорского музея и воссоздание полномасштабных копий памятников (с применением современных технологий), хранящихся в Государственном Историческом музее в Москве («Дука-Бек», Эльхотовский крест») и некоторых других предметов (жертвенный камень). В дальнейшем музей под открытым небом предполагается пополнять.

Воссоздание Музея древностей планируется в близости с Пятигорским краеведческим музеем, в границах исторической территории Цветника и Горячей горы в районе «Китайской беседки». Это позволит существенно развить формы работы действующего

музея, расширит и разнообразит культурное пространство города и курорта. Музей древностей под открытым небом обязательно станет украшением пространственной исторической среды города-курорта и объектом повышенного экскурсионного интереса.

По организационно-правовому статусу музей должен являться государственным учреждением культуры не ниже краевого уровня или структурным подразделением подобного действующего учреждения, каким является ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей». Социально-культурное значение его соответствует уровню Северо-Кавказского федерального округа. Напомним, что и в 1849-1850 гг. музей создавался при поддержке кавказского наместника в структуре Дирекции Кавминвод, которая в то время имела статус, приравняемый к губернскому управлению.

Общие принципы экспозиционного построения

В качестве экспозиционно-музейного пространства для воссоздаваемого музея выбрана наиболее рациональная форма – круглая площадка, разделенная на 12 радиальных секторов (См. Рис.41). Оптимальный размер данной площадки с учетом всех музейных потребностей, включая зону развития – 22 м в диаметре (380 кв.м.). Территория должна быть огорожена металлической оградой с сетчатой основой, обсаженной с внешней стороны выющимися растениями и колючим кустарником с целью создания эстетичной и экологической защиты объекта. Высота ограды 2 м.

Из 12 симметричных секторов один является входным, а 11 других представляют собой структурные единицы экспозиции, построенные по кругу и по часовой стрелке в хронологическом порядке. Во входном секторе, ориентированном по линии запад – восток, размещается символический первый экспонат возрожденного музея – крупный каменный жернов речной мельницы, являющийся средневековым производственно-бытовым предметом, типичным для различных районов региона, с которым в фольклоре северокавказских народов связано немало духовно-смысловых представлений. В общекультурном смысле вращение жернова олицетворяет движение времени, а перемалывание растений и плодов – ход истории. Этот экспонат предполагается установить на подготовительном начальном этапе восстановления музея после выделения и ограждения территории. На выделенном для жернова экспозиционном участке будет также установлен информационный щит на металлической основе со справкой о музее древностей и схеме его устройства.

Вдоль внутренней стороны ограды устраивается кольцевая дорожка шириной 0,9-1 м. для подготовки посетителей к осмотру основной части музея. Эта и все другие дорожки ограничены бордюрами, а внутренняя поверхность подсыпана песком или мелким щебнем. На внешней дорожке выделены 11 секторов, посвященных эпохам древней, средневековой и традиционной новой истории

народов региона: эпоха камня (1), энеолит и ранняя бронза (2), период средней бронзы (3), эпоха поздней бронзы (4), раннежелезный век – киммерийско-скифское время (5), сарматское время (6), раннеаланский период (7), эпоха раннего средневековья (8), развитое средневековье (9), позднее средневековье (10), новое время (11). В каждом из этих секторов на внутренней поверхности ограды размещены информационные щиты на металлической основе с краткой характеристикой данной эпохи на Северном Кавказе в регионе Кавминвод.

Основная часть музея расположена на искусственном холмообразном округлом возвышении, моделирующем курган – типичную форму погребальных и культовых сооружений различных племен и народов региона, соорудившихся, начиная с 5 тысячелетия до н.э. (эпоха энеолита) до позднего средневековья (XIV-XVIII вв.н.э.). Этот курган диаметром 12м и наибольшей высотой 2,5 м. занимает всю среднюю часть экспозиционного пространства и отделен второй кольцевой дорожкой шириной 1,2 м. Под курганом предполагается возведение небольшого круглопланового музейного павильона диаметром 9 м. и высотой 2,8 м., частично (на 1-1,5 м) заглубленного в землю.

Между двумя кольцевыми дорожками размещается временно свободная зона развития музея, в которой постепенно будут располагаться вновь поступающие в музей экспонаты, размещаемые в эпохально-хронологических секторах в соответствии с их временной и культурной принадлежностью.

Дорожки центральной части устроены в виде двойной пересекающейся спирали. Они определяют маршрут движения посетителей снизу вверх и затем сверху вниз по почти не совпадающим участкам, что позволяет постепенно осматривать экспонаты, расположенные на зеленых зонах лунарной формы в виде полумесяцев. Выкладки из камней и земляные уступы таких форм встречаются в древних курганах региона. А сектор на оси входа в музей выполнен в виде схематического изображения ладьи или корабля – символ средства для передвижения между мирами и средства спасения в духовном смысле в древней и средневековой религиозной философии.

По внешнему экспозиционному сегменту предполагается установка четырех подлинных (фрагмент плиты от дольмена эпохи средней бронзы, каменная ступа позднебронзового века, мужское скифское изваяние, раннесредневековый надгробный крест с г. Бештау) и одного копийного («Эльхотовский крест» - подлинник хранится в ГИМе) экспонатов, размещаемых симметрично в хронологической последовательности также по часовой стрелке, как и на внешней дорожке у ограды. Это позволит создать впечатление, что посетители идут вверх по линии времени.

В центре переднего ладьевидного экспозиционного сегмента будет размещена копия средневекового ритуального жертвенного камня или «порога» с изображениями животных, подлинник которого экспонируется и будет экспонироваться в Пятигорском краеведческом музее.

В центре верхнего лунарного сегмента будет установлен традиционный предмет нового времени – каменная молотилка – каток.

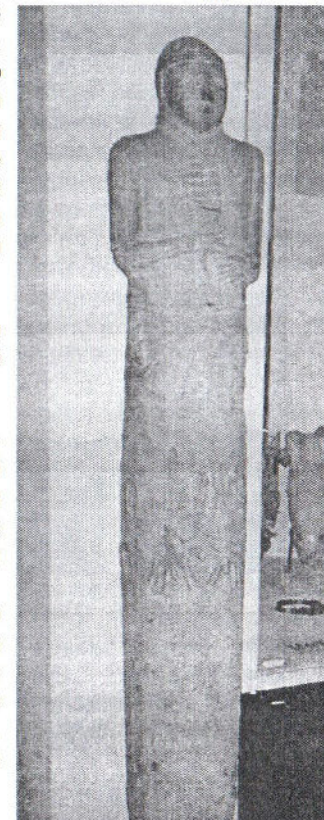
После его осмотра посетители поднимаются на внутреннюю кольцевую дорожку и осматривают центральный экспонат – полномасштабную копию статуи «Дука-Бека», которая относится сегодня учеными к XVII веку, но есть версии и о значительно более раннем ее происхождении. В любом случае этот памятник несет на себе черты древней северокавказской традиции, изображения отражают фольклорные сюжеты и духовно-религиозные представления, в частности, распространение христианства в регионе. Этот многозначный уникальный объект вполне заслуживает роль центрального экспоната музея древностей под открытым небом.

Следует указать, что изготовление копии «Дука-Бека», уменьшенной, примерно, в 1,5 раз, уже было осуществлено в 1967-1968 гг. специалистами Ленинградского художественного фонда для экспозиции республиканского краеведческого музея Кабардино-Балкарской республики, где она и находится в настоящее время. В нашем же случае предполагается создание полномасштабной копии монумента.

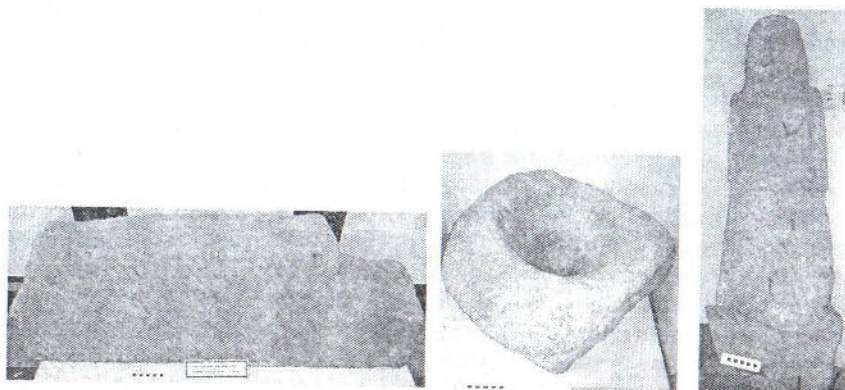
Рис.39. Копия «Дука-Бека» в экспозиции Национального музея Кабардино-Балкарской республики. Фото 2005г.

После осмотра «Дука-Бека» посетители возвращаются по второй спирали из дорожек. В это время они могут осмотреть экспонаты музея с других позиций, задавать вопросы экскурсоводу и получать ответы и т.п.

Представленное экспозиционное решение позволит максимально полно представить экспонаты и информацию о них, показать особенности и единство культурного развития в рамках региона, что и является одной из основных целей воссоздания данного музея.

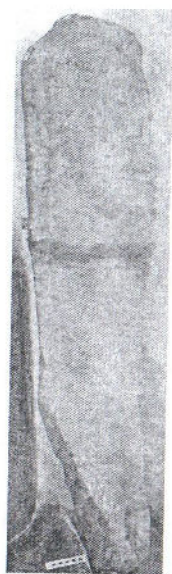
Краткие сведения о новых экспонатах, предлагаемых для восстановления Музея древностей в Пятигорске

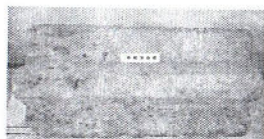
1.

2.

3.

4.

5.

6.

Рис. 40.

1. Плита от дольменообразной гробницы эпохи средней бронзы, вторично использованной в эпоху средневековья. Предположительно из могильника X-XII вв. в Балке Кривой и Кяфарского городища (КЧР). Цвет серый с голубым оттенком. Длина – 117 см, наибольшая высота 43 см, толщина – 24-25 см. ПКМ.

2. Ступа эпохи поздней бронзы и раннего железа. I тыс. до н.э. Из района п. Юца. У водопровода. Между реками Юца и Подкумок. Плотный известняк светло-серого цвета. Размеры – 48x43x35-37 см. Диаметр углубления – 23 см. ПКМ. 823 Оф.
3. Изваяние воина скифского времени. VI-V вв. до н.э. Зарисовано Александром Руничем в 1957 г. В музей доставлено Г.П. Лушниковым в сентябре 1958 г. Плотный известняк серого цвета. Высота – 140 см, наибольшая ширина внизу – 40 см, толщина – 21-22 см. ПКМ.
4. Надгробная стела с крестом. VIII-IX вв. н.э. Могильник городища у Козьих скал на юго-восточном отроге г. Бештау. Находка Н.С. Колоколова. 1978г. Плотный серый камень (бештаунит). Высота – 152 см. Ширина и толщина вверху – 33-35 см. ПКМ.
5. Ребристая молотилка. XIX-начало XX в. Пятигорск. Светло-серый плотный известняк. Длина – 70 см. В диаметре – 44-45 см. ПКМ.
6. Жернов от водяной мельницы в двух фрагментах. Развитое или позднее средневековье. Возможно из городища Маджары. Камень плотный желтовато-серый. Диаметр – 105 см. Толщина – до 10 см. Диаметр отверстия – 4 см. ПКМ. 818/1-2 Оф.

Вопросы организационно-финансового обеспечения

Финансирование проектных работ и поэтапной реализации проекта предполагается из нескольких источников. Оплату стоимости проекта музей берет на себя. Собственными силами сотрудников будут выполнены подготовительные работы и некоторый объем мероприятий по монтажу экспозиции. Проект будет представлен в качестве заявок в Федеральную целевые программы типа «Культура России» на 2014 – 2015 годы. Часть мероприятий планируется провести за счет целевых средств, выделяемых музеем министерством культуры Ставропольского края. Возможны также грантовые заявки на часть мероприятий проекта, например: изготовление полномасштабных копий музейных экспонатов с применением традиционных и современных материалов.

Подготовка и проведение торжественного открытия музея предполагается за счет собственных и привлеченных внебюджетных средств.

Обеспечение процесса функционирования Музея древностей планируется в рамках дополнительного финансирования по статьям и за счет собственных средств ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей».

Вопросы эксплуатации и охраны

В процессе создания и после начала деятельности Пятигорского музея древностей под открытым небом его эксплуатация будет осуществляться ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей» и другими культурными и общественными организациями по согласованию или (и) на договорных условиях с Пятигорским краеведческим музеем. Охрану объекта также будут организовывать и осуществлять сотрудники музея.

Обслуживание посетителей будет организовано в соответствии с графиком работы ПКМ. В том случае, если земельный участок под

музей будет предоставлен на безвозмездной основе (пользование, безвозмездная аренда, передача в собственность) как земля историко-культурного назначения посещение музея будет бесплатным, а проведение тематических экскурсий – по экскурсионным билетам музея. Если же использование участка будет возмездным (на платной основе), то и посещение музея будет предоставляться по утвержденным расценкам стоимости музейных услуг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленные материалы свидетельствуют о том, что Пятигорский музей древностей под открытым небом являлся важным и популярными социально-культурным объектом, выполнявшим значимые общественные и научные функции. Его восстановление в современных условиях оправданно и целесообразно со многих позиций: в целях расширения культурного пространства, благоустроенных площадок города-курорта для организации досуга и отдыха горожан и гостей здравницы, административного, торгово-производственного и образовательного центра; повышения уровня и эффективности культурно-просветительной и воспитательной работы; для развития и совершенствования форм местного, межрегионального и международного туризма и др. Предлагаемая общая программа действий, механизмы ее реализации и конкретные действия могут и должны корректироваться и дополняться. Но они в состоянии послужить базой для подготовки решения актуальной позитивной и продуктивной задачи.

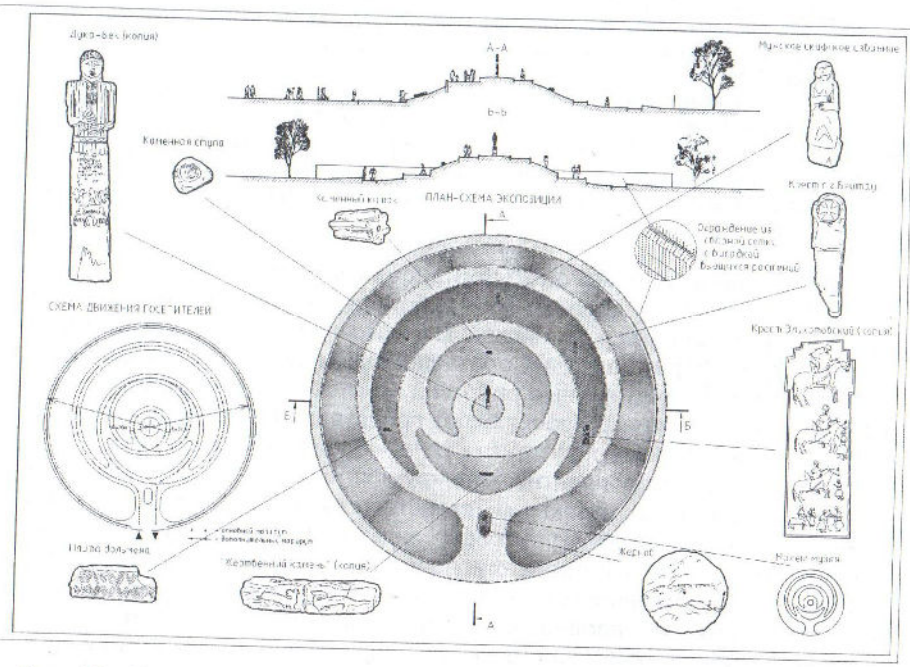

Рис. 41. Эскизный проект восстановления Пятигорского музея древностей под открытым небом. 2012 г. С.Н. Савенко, Срабионян Г.Г.

Список использованной литературы и источников

1. Аржанцева И. А., Савенко С. Н., Сычев А. А. Кисловодский археологический музей под открытым небом «Горное Эхо». Основы концепции. – Кисловодск, 2003.
2. Асов А. Славяновы руны и Боянов гимн. М.: Вече. 2000. – С.80-94.
3. Багдасарян А.А., Краснокутская Л.И. Летопись Пятигорского краеведческого музея (1847-2005). – Пятигорск: Изд-во «Вестник Кавказа», 2007. – С.16-19, 49-50.
4. Баталин Ф. Пятигорский край и Кавказские Минеральные Воды. Ч.1. – СПб.: Типография Департамента уделов, 1861. – С.35.
5. Беликов Г. А., Савенко С. Н. Облик старого Ставрополя. Исторические очерки в двух книгах. Книга II. – Ставрополь, 2007.
6. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое и военное описание Кавказа/ Перевод с французского, предисловие и комментарий И.М. Назаровой. – М.: Изд-во Надыршин. 2010. – С.391-398.
7. Боглачев С.В. Архитектура старого Пятигорска. – Пятигорск: Изд-во «Снег», 2005 – С.233-234; Изд. 2-е, исправленное и дополненное – Пятигорск: Изд-во ООО СНЕГ, 2007. – С.62-65,80-85,372-375, 418-426; Изд. 3-е, исправленное и дополненное – Пятигорск: ООО «Изд-во Снег», 2012. – С.80-89, 372-375, 380-386, 418-425.
8. Боглачев С.В., Кузнецов В.А., Маркелов Н.В. Пятигорск в исторических очерках. История города с древнейших времен до 1917 года. – Пятигорск: СНЕГ, 2010. – С.50-51.
9. Борисова Е. Камни говорят...// Кавказская здравница. 1967. 6.04.
10. Булатов Н.М. Принципы организации археологических музеев – заповедников // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. Вып. III. Труды. 28. – М.: МК РСФСР, НИИ Культуры, 1975.
11. Верховец В.Д. Садоводство и виноградарство в районе Кавказских Минеральных Вод 1825-1850 гг. – Пятигорск: Северо-Кавказский отдел Императорского Российского общества садоводства; Типо-литография Л.П. Нагорного. Поставщ. Двора Его высочества Эмира Бухарского, 1911.
12. Вихнович В.Л. Авраам Фиркович: Еврейские рукописи. История. Путешествия. – СПб., 1997.
13. Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. В 2-х частях. Ч.1. – М.: Типография И.И. Родзевича, 1885. – С.134-135.
14. Вольная Г.Н. Прикладное искусство населения Среднего Притеречья середины I тысячелетия до н.э.. – Владикавказ: «Иристон», 2002. – С.106-108.
15. Годзевич Б. Л., Охонько Н. А., Савельева В. В., Кудрявцев А. А. 1999. Встречи с прошлым и настоящим. Путеводитель по археологическому и природному музею-заповеднику «Татарское городище». Ставрополь, 1999.
16. Гюльденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. – С. 280-285, Рис. 20а-б.
17. Даркевич В.П. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X-XIII века. – М.: Искусство, 1975. – С.83. Рис.112; С.201-202, 209.
18. Десятое заседание Императорского Археологического Общества от 11 декабря 1850 года //Записки Императорского Археологического Общества. Т.3.Приложение к перечню заседаний. – СПб,1851. - С.130-136.
19. Достояние. Музеи Ставропольского края. Составитель Белая З.А. Ставрополь, 2004.
20. Дубовской Н.А. Пятигорский крест// Вестник Общества Древнерусского искусства при Московском Публичном музее, издаваемый под ред. Г.Филимонова. №№6-10. Смесь. М.,1875.
21. Из рукописи Шах-бек-Мурзина «О быте, нравах и обычаях древних адыгейских или черкесских племен»// Кавказ. 1849. №37.10 сентября. – С.147.
22. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора Бекмурзин Ногмовым, дополн. Предисловием и исправленная сыном его Еруст. Ногмовым. Изд.3-е, с изд.1861. Пятигорск.1891. – С.43-47.
23. Калоев Б.А. Похоронные обычаи и обряды осетин// Кавказский этнографический сборник. Выпуск VIII. М.: Наука. 1984. – С.100-101.
24. Каштанов Д.В. Греческая эпиграфика Северного Кавказа: проблемы датировки// Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов Международной научной конференции. – Магас: Археологический центр им. Е.И. Крупнова, 2010. – С.175.
25. Коваленко А.Н., Фоменко В.А. Об одной древней находке из окрестностей Рим-Горы// Культурно-историческая общность народов Северного Кавказа и проблемы гуманизации межэтнических отношений на современном этапе (материалы международной научно-теоретической конференции) 28-31. 10. 1997 г. Черкесск – Архыз. – Черкесск: КЧИГИ, 1999. – С.98-100.
26. Краснокутская Л, Коваленко А. Дука-Бек и другие //Кавказская здравница. 1995. 1 июля.
27. Краснокутская Л.И., Коваленко А.Н. Первый музей под открытым небом// Материалы краеведческого чтений, посвященных памяти А.П. Рунича. – Пятигорск: ПКМ, 1998. – С.6-8.
28. Краснокутская Л.И. Древности под открытым небом // Кавказские Минеральные Воды. К 200-летию юбилею. 1803-2003. Наследие

- народов Российской Федерации. Вып. 2. 2003. – М.- СПб.: ВНИИЦентр, Типография «Иван Федоров», 2003. – С.136-138 (II).
29. Кузнецов В.А. Тюркские изваяния из Пятигорска // Археология и вопросы древней истории Кабардино – Балкарии. Нальчик: КБНИИФЭ, 1980. – С.69-78.
 30. Кузнецов В.А. Изваяние «Дука-Бек»: историко-археологические проблемы// Историко-археологический альманах. Вып.5. – М.: Армавирский краеведческий музей, 1999, – С.83-99.
 31. Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. - Владикавказ: Ир, 2002. – С.79.
 32. Кузнецов В.А. Кавказские Минеральные Воды в древности и средневековье (историко-археологические очерки). – Пятигорск, 2005. – С.152. Рис. 43.
 33. Латышев В.В. Кавказские памятники в Москве // Записки Императорского Русского Археологического общества. Новая серия. Т. II. - СПб., 1877. – С.44-45. Табл.1,1.
 34. Листок для посетителей Кавказских Минеральных Вод. 1863. №7 от 20.06. – С.40.
 35. Листок для посетителей Кавказских Минеральных Вод. 1872. №№9,10 и 16 от 16,23.06 и 17.09.
 36. Листок для посетителей Кавказских Минеральных Вод. 1881. №4. от 21.05. - С.59-65.
 37. Листок для посетителей Кавказских Минеральных Вод. 1881.№15 от 09.08.
 38. Листок для посетителей Кавказских Минеральных Вод. 1881. №20 от 30 сентября. – С.404-405.
 39. Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907-1909 годов// Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 43. – СПб., 1911. – С.127-128, Рис. 112-113.
 40. Малахов С.Н. Северокавказские каменные изваяния с христианскими символами: итоги и перспективы изучения // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Кисловодск, 2000. – С.94-96.
 41. Миллер В. Ф. Отголоски кавказских верований в могильных памятниках// Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического Общества, снаряженными на Высочайше дарованные средства. Вып. III. М.: Московское Археологическое общество. 1893. – С.119-136.
 42. Милютин М. Кавказские Минеральные Воды (Путеводитель). Второе исправленное и значительно дополненное издание. – М.: Типография А.Клейн, 1879. – С.187-198.
 43. Мифы народов мира. Энциклопедия/главный редактор С.А. Токарев. Т.2. – М.: Советская энциклопедия, 1992. – С.238, 557-558.

44. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. М.: Типография С. Селивановского. 1823 (репринтное издание). – С.54.
45. От каменного века до XVII столетия. Путеводитель по залам 1-21 / Отв. ед. д.и.н. В.Л. Егоров, автор текста Г.И. Горшкова. – М.: ГИМ, 2003. – С.84-85.
46. Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ с археологической целью в 1867 году //Известия Императорского Археологического Общества. Т.VIII. - СПб.,1877. – С.325-367.
47. Охонько Н.А. Семантика изображений аланской гробницы XI в. Кяфарского городища // Охонько Н.А., Доде З.В. Аланская гробница XI века. Ставрополь: СГОКМ, 1994. – С.7-8.
48. Паллас П. С. Заметки, сделанные во время путешествия по Кавказу в 1793 – 1794 годах/ Перевод И. Гориславского// Кавказский край. 1992. № 5.
49. Помяловский И. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1881. – С.15.
50. Переписка Митрополита Киевского Евгения с государственным канцлером, графом Николаем Петровичем Румянцевым. Вып. 2. – Воронеж, 1885. – С. 76
51. Савенко С.Н. Традиции сохранения древностей в Пятигорске //Достояние поколений. Научно-популярный журнал. М., 2010. №1(8). – С.54-59.
52. Савенко С.Н. Уникальный памятник духовной культуры и изобразительного искусства населения Предкавказья в фондах Пятигорского краеведческого музея //Проблемы археологии Кавказа (К 70-летию Ю.Н. Воронова). Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю.Н. Воронова (10-11 мая 2011 г., г. Сухум)" АБИГИ. – Сухум, 2011. – С.178-185.
53. Савенко С.Н. К историко-культурной оценке предкавказских памятников с поздними греческими эпитафиями религиозного содержания //Проблемы и перспективы исследования церковной истории Северного Кавказа. Материалы IV Свято-Игнатиевских чтений. г. Ставрополь. 11-12.05. 2011 г. Выпуск II. – Ставрополь: Издательский центр СтПДС, 2012. – С. 256-274.
54. Савенко С. Н., Лачинов И. А. Лапидарий Кисловодского музея // Прозрителевские чтения. Сборник материалов научно-практической конференции. Выпуск I. Ставрополь, 2005.
55. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа /Составил для V Археологического съезда в Тифлисе И. Помяловский. СПб.: Типография Императорской Академии наук. 1881. – С.6-20. Рис.9-12.
56. Смирнов А.П. Куйбышевская каменная баба // КСИИИМК. Вып. XII. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – С.40-43.

57. Соснина Е. Край этот причудлив... Малоизвестные страницы истории Кавказских Минеральных Вод. – Пятигорск: Северо-Кавказское изд-во «МИЛ», 2000. – С.72-73.
58. Соснина Е. Л. Ян Потоцкий и его путешествие в Астраханские и Кавказские степи. Пятигорск: ПГТУ, Изд-во «Спецпечать», 2003. – С.78.
59. Тергукасов А.А. Описание памятника, находящегося в Пятигорске // Записки Императорского Археологического Общества. Т.3. Приложение к перечню заседаний. – СПб., 1851. – С.139-146.
60. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII - середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. – С.104-226.
61. Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л.: Наука, 1971. – С.106-113.
62. Филимонов Г.Д. Древние каменные изваяния в Пятигорске // Вестник Общества древнерусского искусства. №11-12. – М., 1876. – С.78.
63. Фиркович А. Археологические разведки на Кавказе // Записки Императорского Археологического Общества. Т. IX. Вып. 2-й. СПб., 1857.
64. Фиркович А. Археологические разведки на Кавказе. Труды Восточного отделения Императорского Археологического общества. Ч. III. – СПб., 1858. – С.102-137 // Балкария. Страницы прошлого. Вып. III. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2006. – С.46-69.
65. Христианская символика. Часть первая. Символы древнехристианского периода/ Графа А.С. Уварова. – М.: Типография Т. Лиссиера и Д. Совко, 1908. – С.187-188.
66. Цагараев В. Золотая яблоня нартов. История. Мифология. Искусство. Семантика. – Владикавказ: РИПП им. В.А. Гассиева, 2000. – С.173-181.
67. Энциклопедический словарь символов/ Автор-составитель Н.А. Истомина. – М.: Изд-ва АСТ и «Астрель», 2003. – С.266-270.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

АБИГИ	-	Абхазский институт гуманитарных исследований, г. Сухум
ВНИИ Центр	-	Всероссийский научно-издательский информационный центр, г. Москва
ГИМ	-	Государственный Исторический музей, г. Москва
ИИМК	-	Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, г. Санкт-Петербург
ИРАО	-	Императорское Русское Археологическое общество, г. Санкт-Петербург
КБНИИФЭ	-	Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики, г. Нальчик
КЧИГИ	-	Карачаево-Черкесский государственный институт гуманитарных исследований, г. Черкесск
МАО	-	Московское Археологическое общество
МК РСФСР	-	Министерство культуры Российской Советской Федеративной Социалистической республики, г. Москва
Нвф	-	Научно-вспомогательный фонд
НИИ Культуры	-	Научно-исследовательский институт культуры, г. Москва
ОР	-	Отдел рукописей
Оф	-	Основной фонд
ПГТУ	-	Пятигорский государственный технологический университет
ПКМ	-	Государственное учреждение культуры Ставропольского края «Пятигорский краеведческий музей», г. Пятигорск
РАН	-	Российская Академия наук, г. Москва
РНБ	-	Российская национальная библиотека, г. Санкт-Петербург
СтПДС	-	Ставропольская Православная Духовная семинария, г. Ставрополь

Сергей Николаевич Савенко

**ВОССОЗДАНИЕ МУЗЕЯ ДРЕВНОСТЕЙ
ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ В ПЯТИГОРСКЕ:
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
К ПРОЕКТУ**

В авторской редакции

Формат 60x84¹/₁₆
Бумага офс. 80 г

Усл.-п. л. 3,72
Тираж 100 экз.

Печать офсетная
Заказ № 977

Отпечатано в типографии ООО «Печатный двор», 2013 г.